

Даля
Трускиновская

Мы,
домовые

Даля Трускиновская

Мы, домовые

«Снежный Ком»

2000-2010

Трускиновская Д. М.

Мы, домовые / Д. М. Трускиновская — «Снежный Ком»,
2000-2010

А вот жилось ли когда-нибудь спокойно русскому домовому? Да вот фигурки вам. Нет и не было им, сердешным, покоя. И в нынешние времена в домах многоквартирных, хоть и комфорту побольше, а забот хватает. И хозяев вразумить, и порядок навести, и за детьми приглядеть. Ну, а уж если беда какая... Тут уж традиции побоку, и среди людей себе помощников искать доводится!

Содержание

Сумочный	5
Халява	16
Молчок	33
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Даля Трускиновская

Мы, домовые

Сборник

Сумочный

рассказ

– Я, вот... По объявлению.

– Ах, по объявлению. Ну-ну...

– Ты здешний дед, что ли?

– Дедушка. А ты, стало быть, по объявлению. Ну, заходи...

Краткий этот разговор состоялся на антресолях прекрасной четырехкомнатной квартиры, как раз там, где, задвинутое чемоданами, имелось в стене отверстие для проводов от распределительного щита, а также телефонного и кабельного.

Надо сказать, что антресоли всякой обжитой квартиры немало поразили бы хозяев, ежели бы те вздумали однажды разобраться, какая такая старая рухлядь загромождает отверстие. И тут бы обнаружилось, что ненужное, казалось бы, имущество, преобразилось. Из запертого чемодана, к примеру, изъята старая декоративная наволочка, шерстяная, в фольклорном стиле, и сложена так, что стала диваном с подлокотниками. Маленькая банка с остатками краски, забытая пять лет назад после того еще ремонта, накрыта чистой бумажкой и сделалась столом. Равным образом брезентовая рукавица, от того самого ремонта, приложена к отверстию на манер шторы, чтобы не сквозило, и стоит наготове другая банка с краской – загородиться, если вдруг пожалуют незваные гости.

Хозяин, домовый дедушка Феоктист Степаныч, впустил посетителя, но, так сказать, без излишнего энтузиазма.

А чему тут было радоваться? Тот, кто пришел по объявлению, меньше всего походил на сумочного хозяина. Был он худ, взъерошен, неопрятен, неухожен, и смотрел как-то угрюмо. Нехорошо смотрел.

– Молочка? – спросил Феоктист Степаныч. – Хозяйка добрая, наливает. Кошачий корм вот есть. Рюмочку тоже для меня на секции держит. Я вот в скляночку перелил. Винцо знатное, кагор.

Был он сам из себя упитан и мохнат, как полагается домовому дедушке в богатом хозяйстве, и предлагал с некоторым хвастовством – вот, мол, сколь сытно живем, можем подкормить.

– Сыт, – отрубил гость, хотя и по рожице было видно – ой, голоден...

Сел он не на хозяйский диван, а на корточки, прислонившись спиной к чемоданной стенке.

– Тебе виднее. В сумочные, стало быть?

– Ну...

– А ты уже работал сумочным?

– Ну... работал.

Феоктист Степаныч врунишек не любил. За вранье и выставить мог – единожды и навеки. Но этот растреп вроде бы как и не врал.

– Су-моч-ным! – весомо уточнил дедушка. – В дамской деловой сумке. Служил?

– В дамской – нет. А что? Такое уж сложное дело? Сколь там добра-то поместится, в той сумке? – вопрос был одновременно риторическим и презрительным. – Вся она – с гулькин нос!

– Добро-то, братец, этакое... С одними тенями для глаз намаешься, – предупредил Феоктист Степаныч. – Коробок раскрывается, а они – как мука, в ком сбита, рассыпаются, вся подкладка в пыли. Еще вот пилка для ногтей. Хозяйка ее, пилку, на место не кладет, прямо так бросает, и пилка подкладку рвет. Еще вот, скажем, блокнот – тут смотреть нужно, чтобы страницы не загибались.

– Смотреть могу, – согласился гость. – Так что – место еще не занято?

– Да ты уж третий приходишь, – сообщил дедушка. – Бабушка из пятой квартиры просилась, они там с дедом не ладили, разводиться собрались. Как в ту сумку посмотрела – ой, мамочки, говорит, тут же одной приборки не оберешься! И бумажек-то, бумажек! Начнешь выбрасывать – а вдруг дельную выбросишь? Потом еще портфельный хозяин заглядывал. У него такое горе – парнишка школу окончил, портфельчик уже без надобности, снесли на помойку. Тоже я ему сумку показал, а он чихать принялся. Аллергия у него на духи...

– А бабушка – не вернется? – решил уточнить гость.

– Не-е, не вернется. Ей там за дедом хорошо. Только телевизор смотреть не велит. А она уж пристрастилась. И сам посуди: там она – домовиха-госпожа, особа почтенная, а тут кто? Сумочная! То есть – у меня в подчинении.

– Ну так берешь, что ли?

– С испытательным сроком разве взять? – сам себя спросил дедушка. – Две недели. Идет?

– Идет.

– Тогда – располагайся. Прямо тебе скажу – кабы не припекло, не взял бы. Но она, хозяйка наша, уже из-за сумки в буйство впадать стала. Прямо голосом кричит – ничего, мол, кричит, сыскать невозможно! А сумка французская, помещений в ней шесть, больших и маленьких, и еще с другой стороны потайной карман, за ним тоже глаз за глаз нужен. Она там часто деньги носит – ну, сам понимаешь.

Феоктист Степаныч шумно вздохнул.

– Коли хозяйка буйнит – весь дом вверх дном, – пожаловался он. – Впору уходить, другого дома искать. А так она хозяйка добрая. Труженица! На дом денег не жалеет. Это у нас только хозяин неудачный выдался... Ну, сам сообразишь...

– Пьет, что ли? – догадался гость.

– Хуже. Ну, бездельник. Дармоед. Ты его в расчет не бери. Все по-хозяйкиному делать надо. Вот еще что! Ты кота гонять не моги! Кот у нас серьезный, персидский. Она мне его с понятием препоручила! Принесла котеночком, и так прямо, по старинке, и сказала: вот тебе, дедушка, на богатый двор мохнатый зверь, береги его, холь да лелей!

– С котом поладим, – хмуро сказал пришелец.

– Две недели тебе сроку, стало быть. А зовут как?

– Прохором.

– Располагайся, Проша. Документ имеется? Давай сюда – впишу, что взят в сумочные с испытательным сроком...

– Незачем, – отказался новоявленный сумочный. – Обойдется. Мне до пенсии еще далеко.

– Как знаешь...

* * *

Ночью, когда семья уgomонилась, Феоктист Степаныч повел Прохора в должность вступать.

Сумка стояла в гостиной на кресле. Рядом спал большой рыжий кот.

– Вот твое место прохождения службы, – строго сообщил дедушка. – Ты запоминай! Вот этим она личико красит. Это все должно в косметичке лежать. Вот карточки – это визитки. Их в боковой кармашек складывай. Это важно! За жевательными резиночками особо смотри! Она пакетик откроет да не глядя в сумку бросит – а ты этим белым штучкам разбежаться не давай, бумажку зажми... Во! Вот это – самое неприятное. Ну да уж ты потрудись.

– Что за дрянь такая? – удивился Прохор.

– Ну, жует она резиночку, а тут вдруг кто заявился и жевать уж неприлично, а мусорной корзины рядышком нет. Так она скоренько – в сумку! К подкладке прилипнет – зубами не отдерешь! Или дельные бумажки между собой склеятся. Ты как увидишь – держи какую бумажку наготове и сразу в нее лови.

– Она плюет, выходит, а я – лови? – уточнил Прохор.

– А тебя, между прочим, сюда веником не гнали, – напомнил Феоктист Степаныч. – Я знаю – внизу за батареей и другие объявления имеются. Вот сорок пятой квартире холодильный нужен.

– Дед, ты их холодильник видел? – Прохор до того возмутился, что прямо заорал. – Это, дед, целый город, и туда троих холодильных нужно, чтобы мало-мальский порядок держать! А они все норовят на одного навесить!

– Да, хозяин у них строгий, Поликарп Федотыч, – согласился дедушка. – Вроде меня – бездельников страсть не любит. Вот еще тридцатая квартира в холодный шкаф смотрителя зачем-то искала...

– Был.

– Ну и что же там за шкаф такой, что ему отдельный хозяин нужен? – заинтересовался Феоктист Степаныч. – Я-то спрашивал – тамошний дедушка отмалчивается.

– От того шкафа он уже слезами плачет! – почему-то с весельем, чуть-чуть не со смехом поведал Прохор. – У них хозяйский сын железками балуется. У него в комнате на столе не помещаются, так он у родителей полку в шкафу выпросил. И вся эта железная дребедень по шкафу распространилась! Порядку – никакого!

– Да, железки – это опасно, – согласился Феоктист Степаныч. – А ты чего это, Прохор, скалишься?

– Тамошний дед рассказывал – брожу, мол, по этим завалам, разгрести пытаюсь, вдруг за дверцей слышу: так-перетак, мамка сдохла! И дверцу – нараспашку! Он аж за сердце взялся, еле затаиться успел, сидит, охает, слезы утирает. Хозяйка-то у них добрая, душевная. Это что же за паршивец в семье вырос, плачется, матери лишился – и такие слова выговаривает! Как же теперь в доме без хозяйки-то? А парень полез в железки свои, вытянул одну и кому-то там, в комнате сидящему, так орет: что сдохла – это ерунда, мы ее сейчас спокойно в мусор выкинем, я вот тут другую отыскал, малость похуже, но сойдет! И уволок свою железку. И точно, сказал тогда тот дед из тридцатой, железки ему вместо мамки, бабки, теток, дядек и даже, прости Господи, баб. Так пусть и дальше живет, тьфу!

– Заклял, значит. А нехорошо домового дедушку злобить... По его слову и выйдет. Ну, удачи тебе, Прохор! Обживайся. Вот дырочка за подкладку ведет – тесновато, ну да привыкнешь.

– Привыкну. Спасибо, дедушка.

– То-то.

До утра Прохор знакомился с сумочным хозяйством. Порядка наводить пока не стал – пыль разве что прибрал и выкинул, да еще новую, но пыльную жевательную резинку. Посчитал деньги в потайном кармане. Отыскал завалившийся колпачок от авторучки, самой авторучки не заметил, решил подождать – авось объявится. Мелкие монетки собрал и положил в кармашек, где визитные карточки.

Утром, услышав голоса, затаился.

Хозяева завтракали на кухне. Командовала она – хозяйка. Мужской голос лишь бубнил. Потом цепкая ручка подхватила сумку – и начался день!

Сумка открывалась раз этак двести. Наманикюренные пальцы так и врезались в нагромождение жизненно важных мелочей. Первым делом хозяйка сунула в самое большое отделение мобильный телефон. Прохор такую штуковину видел впервые – но вещица была крупная, гладкая, аккуратная, и, очевидно, большой заботы с его стороны не потребовала бы. Футляр с очками тоже показался ему безопасным. Ждал Прохор ключей от квартиры – но так и не дождался. Хозяйка держала их на одной цепочке с ключом зажигания.

Должность сумочного оказалась суетливой. Только успевай в свой закуток нырять. К концу дня Прохор умаялся – словно мешки с перловкой и гречкой таскал. Одних жвачек шесть штук поймал.

Вечером, когда хозяйка, оставив сумку в гостиной на кресле, где по ночам и было ее постоянное место, пошла на кухню с мужем, нанес визит Феоктист Степаныч.

– Ну, с первым тебя деньком! – поприветствовал. – Наша-то в духе! День у нее заладился. А сам – ох, и говорить неохота...

– Что – сам? – любопытствовал Прохор.

– Что-что! Наказывала ему – мусорное ведро вынеси, в магазин сходи, непременно стирального порошка прикупи...

Дедушка, зажимая корявые пальцы, насчитал полторы дюжины поручений.

– А он про порошок забыл, сантехника не вызвал, сам кран чинить пытался, а кран заморский, работа тонкая, ну и сорвал резьбу, теперь уж не струйка бежит, а хлещет! Не хозяин это, Прошенька! Ох, не хозяин! С оглоблю вырос, а ума не вынес! На-ка, паек получай. Сыр голландский, колбаска полукопченая, еще сухарики. Заработал!

– Да ничего вроде и не делал... – смутился Прохор, в последний раз видевший колбаску полтора года назад.

– Хозяйкино настроение соблюл! – строго, подняв перст, объяснил дедушка. – Это многого стоит.

И, видать, не от души похвалил.

Сглазил, нечисть антресольная!

* * *

Прохору бы исхитриться и закрыть на ночь сумку. Но там приторно пахло всякими бабьими притираниями. Он и вздумал проветрить. А того не учел, что полуоткрытая сумка держится на мягком неустойчиво. Обнаружилось это, когда на кресло прыгнул и шлепнулся набок рыжий кот Персик.

Сумка завалилась набок. Прохора мотнуло и тоже уложило.

– Ах ты, окаянная! – проворчал он, весь растопырившись, чтобы не позволить мелочевке выскочить наружу. Собирай ее потом!

Однако тюбик губной помады, который он поленился переложить из бокового тряпочного кармашка в косметичку, перелетел через его голову и шлепнулся на кресло. Прочее уцелело.

Закатить тюбик было бы несложно. Это не пузырь толстого стекла, который хозяйка называет «дезиком». У того пузыря есть углы, хотя и сглаженные, его кантовать нужно, а помада – что? Ногой пихнул – и покатилась. Однако рано Прохор радовался. Высунувшись из сумки, он увидел рыжую усатую рожу.

Персику стало скучно. Он соблаговолил проснуться и заинтересоваться. Он изволил приоткрыть медный глаз и потрогать помаду лапой. И она покатилась прочь от сумки.

Прохор решительным броском метнулся в кульбит, проскочил прямо под кошачьей мордой, но промахнулся – патрончик с помадой неотвратимо двигался к краю кресла. Чтобы поднять его с пола, потребовалась бы помощь Феоктиста Степаныча, или холодильного Ерофея, или даже секционного Герасима пришлось бы звать, хотя его из секции выманить – свистеть умаешься. Прохор покатился следом за помадой и у самого края поймал ее в объятия. Если бы ему предложили служить домовым дедушкой в почтенном доме, где неперемное условие – завести домовиху, то именно так бы он прижимал к груди молодую пригожую домовиху.

Он боялся шевельнуться, чтобы не грохнуться на пол вместе с помадой. Персик смотрел на это объятие, держа наготове когтистую лапу. И очень остороженько подтолкнул... без злого намерения, просто потрогать хотел...

На лету Прохор брыкнул помаду, чтобы хоть приземлиться безопасно. Она ударилась о ножку стола, и тут же Персик кинулся на нее, делая вид, что наконец-то домой забрела жирная мышь. И погнал, погнал! Прохору оставалось лишь следить за диковинными прыжками и выкрутасами.

Как все персы, Персик был безмерно ленив. Ему вполне хватило полутора минут игры. И он растянулся на ковре, всем видом показывая – месячная норма активности выполнена и перевыполнена, жаль, что хозяйка не видела и не похвалила.

– Ты куда ж ее девал? – забеспокоился Прохор. Звать помощников, как выяснилось, было еще полбеды. Хотелось бы еще найти помаду – а треклятый кот на пяточке в квадратный метр умудрился ее бесследно спрятать.

Прохор заглянул под всю мебель – ну нет, хоть тресни! Был бы он человеком – взмолился бы: «Дедушка домовый, поиграй да и отдай!» Но Прохор происходил из близкого домовым и покоя веку бывшего у них в подчинении рода овинников. Овинники, банники, дворовые, подпечники, подпольники, хлевники – все они с повальным бегством в города оказались не у дел и стали искать себе хлебных мест и приработков. Домовой – он и самой столице домовый, потому как без дома человек не обходится. А иной банник с банницей и внучатами намаялся, едва не околел, пока не повадились люди ставить в городах финские баньки-сауны. А иной хлевник годами мыкался, по закоулкам побирался, пока родня не сыскала сытного местечка в зоомагазине...

Так что звать на помощь Прохору было некого.

Он полагал, что наутро хозяйка поднимет шум. Но у нее всяких бабьих притираний было довольно и без походного боезапаса в сумочной косметичке. Шум был – да по другому поводу. Хозяйка мужа школила, задания ему на день давала.

Тут Прохор и увидел хозяина впервые.

Здоровенный мужик это был, в плечищах – косяя сажень, а на крупной физиономии – тоска. Хозяйка рядом с ним на тоненьких своих каблучках казалась вовсе невесомой. Позавтракав, она пришла в гостиную, и он за ней следом приперся. Стоял и смотрел, как она собирает в прозрачную папку какие-то бумажки.

Прохор не стал маячить из сумки, но и в убежище свое не спрятался, а присел поудобнее и стал слушать.

– Ну, что же я могу сделать? – спрашивала хозяйка. – Всем уже звонила – нигде не нужны инструментальщики восьмого разряда. Давай я тебе автослесарные курсы оплачу. В автосервисе теперь хорошая перспектива. Начнешь, поработаешь, если хорошо пойдет...

– Это чтобы всякая пьяная рожа надо мной измывалась? – хмуро спросил муж.

– Почему обязательно пьяная?

– Ну, какие еще в джипах ездят? Чтобы мне заблеванная мерс пригнали – эй, мужик, помой, вот тебе десятка сверху?!?

– Ты, Лешка, ахинею несешь. Если человек достаточно богат, чтобы купить хорошую машину, – значит, он уже и скотина?

– Скотина, – согласился муж.

– А если я мерс куплю?

– Светка! Ты на мои руки посмотри! Они же такое умеют, что всем этим купи-продаям и не снилось! – судя по отчаянию в голосе, хозяин даже потряс своими огромными, крепкими ручищами. – Вот почему ты можешь своими махинациями на мерс заработать, а я своими руками – не могу?

– Лешка, теперь такое время, что нужно зарабатывать не руками, а головой!

Тут у Прохора под задницей зажужжало, задрожало, подбросило его и еще запищало противным голосом, причем не просто так, а песенку. Он схватился за сердце – ну, страсти!

– Мобилка! – вскрикнула хозяйка, кинулась к сумке, вытащила мобильный телефон и заговорила торопливо:

– Я! Да! Бегу! Вылетаю! Пока!

Схватив сумку, она унеслась.

Прохор вздохнул с облегчением: если она и обнаружит отсутствие помады, то хоть дедушка Феоктист Степаныч про это не услышит. А то еще, чего доброго, из жалования вычтет.

Хозяйку в этот день мотало по всему городу. И принесло ближе к вечеру на какое-то сборище. Сумку она оставила там же, где повесила свой плащик, на деревянной приступочке, впритык к другой такой же богатой сумке из натуральной кожи со всякими штучками.

Прохор уж собрался было в ожидании вздремнуть, но в стенку сумки постучали.

– Извиняюсь, тут кто-то служит? – спросил молодой вежливый голосок.

– Служит! – обрадовался Прохор. – Сейчас выберусь!

И открыл сумку изнутри.

– Позвольте представиться, Гаврила Романович, сумочный.

– Прохор Терентьевич, – безмерно довольный, что отыскался собрат по ремеслу, отвечал Прохор.

Собрат был в меру мохнат, гладенько причесан и даже с выложенными по шерстке завитками.

– А вы на сумочного мало похожи, – сказал Гаврила Романыч. – Вы такой большой, плечистый, сильный! Заходите ко мне! Угощение найдется! О хозяйюшках наших побеседуем!

– Охотно, – согласился Прохор. – Да что это вдруг на вы? Давай по-простому, на ты!

– Я сам хотел предложить! – Гаврила Романыч разулыбался трогательно. – Пойдем! Посидим! Музыка послушаем!

Музыка и впрямь имелась – новый приятель умел обращаться с мобильником, где было записано штук сорок мелодий.

– Это – Моцарт! – со значением говорил он. – А это – Бах! Правда, мы очень мило сидим?

– Ты сам из которых будешь? – спросил Прохор. – По виду вроде из подпечников.

– Ах, какое это имеет значение! – воскликнул Гаврила Романыч. – Я ощущаю себя именно сумочным! Это – мое признание! Согласись, в хорошей дамской сумочке с дорогой косметикой, с французскими духами, со всеми этими милыми пустячками не служишь, а прямо наслаждаешься! Когда я попал в сумочные – то прямо ожил. И столько контактов с другими сумочными! Вот мы с тобой встретились – а разве мы бы встретились, если бы ты служил холодильным? Выпьем за встречу!

– Чего выпьем-то? – удивился, но и оживился Прохор.

– А вот! – Гаврила Романыч выволок сувенирную бутылочку коньяка и отвинтил пробку. – Пособи-ка! Хозяйка у меня – умница, всегда с собой фуфтик имеет.

– Чего имеет? – с изумлением глядя на бутылочку, осведомился Прохор.

– Пятьдесят грамм!

Прохор пожал плечами – до сих пор самой мелкой тарой, какую ему доводилось видеть, была поллитровка.

Они налили коньяка в крышку от бутылочки и поочередно выпили.

– На брудершафт! На брудершафт! – возразился Гаврила Романыч. – Мы, сумочные, должны дружить! Прошенька, теперь зови меня Гаврюшей!

И положил лапку на колено Прохору.

– Да что ты ко мне жмешься? Я те не подпечница, не домовиха! – всего лишь удивляюсь пока, но еще не чуя подвоха, Прохор отпихнул захмелевшего сумочного.

– Ах, какое это имеет значение!

Гаврюша вдруг полез в косметичку своей хозяйки, что-то там нашарил и быстренько мазнул себя лапой за ушами.

– Правда, так лучше? – томно спросил он и, не успев Прохор опомниться, как и его шерстка была смочена хозяйскими духами.

– Да ты что? Ополоумел? – грозно спросил Прохор, вскакивая.

– Прошенька, душка! Ты что? Сядь, успокойся!

Видя, что слова не действуют, Гаврюша встал, приобнял Прохора за плечи, как бы усаживая, и не удержался – весь прижался к его могучей спине.

Тут лишь до Прохора дошла подоплека происходящего.

– Ах ты сукин сын! – рявкнул он и с разворота заехал Гаврюше в ухо. Тот ахнул и повалился, а Прохор, ругаясь последними словами, кинулся прочь из гостеприимной сумки.

– Мы, сумочные!.. – ворчал он. – Ни хрена себе! Куда же это я попал? Во что же это я влип?!?

И понемногу до него стало доходить, почему на объявление, повешенное Феоктистом Степанычем на лестничной клетке за батареей парового отопления, было так мало откликов...

* * *

– За-яв-ка... – Прохор вывел на оборотной стороне визитки крупные буквы. – От сумочного Прохора Терентьевича...

Оказалось, что в ванной комнате Феоктист Степаныч посадил бывшего банника Фалалея. И тот даже холодильного Ерофея пускать не хочет – совсем озверел. А помыться Прохору было страшно как необходимо. С этим душным бабьим запахом, Гаврюшиным подарочком, он сам себе был противен. Даже людям сторяча позавидовал – у них волосня так запах не принимает, как Прохорова шерстка...

Фалалей согласился пустить Прохора, только если на заявке Феоктист Степаныч пропишет «дозволяю». Но домовый дедушка увидел визитку и расшумелся.

– Дельная бумага, Прохор! – восклицал он. – Хозяйка ж ее искать будет! Ахти мне! Скажет – недосмотрел!

– Да у нее этих бумажек!.. – возмутился Прохор. – Кучей валяются! Если все пропадут – она, может, и заметит!

В общем, конфуз и неприятности. Феоктист Степаныч даже понесся смотреть Прохорово сумочное хозяйство – не сотворил ли новичок еще какой шкоды. Пока хозяева ужинали, они забрались на кресло, залезли в сумку – и следующий нагоняй был за то, что зеркальце, что держалось при боковинке на кнопке, отвалилось и пылью подернулось.

Мало того – пока с зеркалом разбирались, пока платочком его протирали, хозяева в гостиную пришли, большой телевизор смотреть. Пришлось домовому дедушке затаиться – чтобы, когда увлекутся, проскользнуть и незримо вернуться на антресоли.

Сквозь голоса Прохор явственно услышал – хрумкнуло.

– Это что такое? – спросила хозяйка. – Леш, на что это я наступила?

– Ты что-то такое под ковром раздавила, – сказал хозяин. – погоди, я достану...

– Моя помада!

Тут только Прохор понял, куда загнал патрончик зловредный Персик. А вот как коту удалось приподнять край ковра – это он даже не пытался уразуметь.

– Помада – из сумки? – зловеще прошептал Феоктист Степаныч. Догадался!

– Ну!.. – огрызнулся расстроенный Прохор.

– Говорил же – за котом следи!

– Да кто ж его, кота, разберет?!.

– Прохор! – строго сказал Феоктист Степаныч. – Ежели тебе должность не по нраву – пути-дороженьки открыты!

– Да по нраву, по нраву! – Прохор немедленно опомнился. Дураком непроходимым нужно было сделаться, чтобы от такого хлебного места отказаться... с одной, то есть, стороны... А с другой – вот еще проведает Феоктист Степаныч про разборку с образцовым сумочным Гаврюшей, черти б его драли, и окончательно уразумеет, что не того на службу принял...

При одной мысли о Гаврюше Прохору тошно делалось. И он понимал, что таких знакомцев среди сумочных встретит немало.

Мысль о Гаврюше так преобразила физиономию Прохора, что Феоктист Степаныч принял ее выражение за полное и безупречное раскаяние.

– Смотри у меня! – пригрозил домовый дедушка.

Но раз уж пошла служба наперекосяк, то должно случиться и что-то совсем дикое. Прохор не то что нюхом – задницей чуял, что главная неприятность еще впереди. И понимал, что лучше бы прямо сейчас раскланяться с Феоктистом Степанычем, честно признав, что в сумочные не годится, а тот бы ему, глядишь, и рекомендацию хорошую написал на радостях, что от такого подарка избавился.

Но Прохор оголодал.

Он всего-навсего хотел подкормиться. Если бы ему вместо колбасы и кошачьего корма предложили работать за пшеничную кашу с растительным маслом, слегка лишь приправленную лучком, он бы согласился, он был непривередлив! Каша, это он знал твердо, еда мужская – так что и капризничать нельзя.

В общем, остался он в сумочных и безнадежно старался соответствовать занимаемой должности до вечера следующего дня – когда хозяйская ручка кинула в сумку полдюжины пестрых квадратных пакетиков и исчезла. Поспешила на кухню, где ждал с горячим ужином хозяин.

Прохор, ворча, вылез и стал их складывать стопочкой. Но не надо было ему читать, что написано на квадратиках. Но вот прочел и уже готовую стопку гневно и яростно брыкнул ногой.

Это оказались дамские гигиенические пакеты.

Большого унижения Прохор и вообразить не мог. Прикасаются руками к этакой дряни!?!

Он не был женоненавистником. Но, как всякий нормальный мужик, полагал, что незачем ему знать все эти бабьи секреты. Будь он человеком и смотри он рекламу разнообразных интимных штучек по телевизору – выкинул бы телевизор из окошка, не иначе. Но он был Прохор Терентьевич из рода овишников, простая душа, да еще с нервишками на взводе от бездомного и голодного своего житья.

Прохор схватил пакетик и неожиданно легко разодрал его пополам.

Если бы хоть пришлось над ним потрудиться!.. Прохор взмок бы и одумался. А так – на него накатило, он радостно изодрал в клочья другой пакет, схватил что подвернулось под лапу – и вдруг оказалось, что он дерет уже ни в чем не повинную упаковку гигиенических салфеток. Их запах показался Прохору таким омерзительным, что он стал выкидывать ошметки из сумки, вскочил на косметичку, слабый замочек крякнул – и Прохор по колено провалился во всякую дребедень. Хрустнула прозрачная коробочка с тенями...

– Ты что это творишь?!? – раздался откуда-то сверху визг Феоктиста Степаныча.

Прохор хряснул об колено круглую щеточку, которой тушь на ресницы мажут, и опомнился. Бешество схлынуло – разгром остался...

Феоктист Степаныч, причитая, спешил на помощь хозяйской сумочке. Прохор, понимая, что карьера кончена, вылез оттуда, утер вспотевший лоб и сел, как ему было привычно, на корточках, прислонившись спиной к черной кожаной стенке. И отключился.

Все ему вдруг сделалось безразлично – в том числе и завтрашний голод.

– Ну и что же это ты тут учинил? – строго, насторожайше прямо, допрашивал Феоктист Степаныч, пытаясь хоть как-то уменьшить ущерб. – Отколь ты только на мою голову взялся, нескладный?!? Тени! Тени «Эсте Лаудер» топтал! Да как у тебя, ирода, нога-то поднялась?!? Все! Сил моих нет! Убирайся!

– Да я и сам хотел! – огрызнулся Прохор. – Моих сил тоже уж не стало!

– Сумочным, говоришь, служил? – вспомнил Феоктист Степаныч. – Ох, стар я стал, врунишку не раскусил! Ты не сумочным – ты мусорным служил! На городской свалке! Да разве у тебя есть о порядке понятие?

– О порядке – есть... – проворчал Прохор. Да что толку оправдываться... Домовой дедушка пожалел, что не забрал у него документа, куда теперь можно было честно вписать – к работе негоден, разоритель и погубитель, а не сумочный. Велел собрать скромное имущество и подниматься на антресоли – чтобы и минутки лишней не задерживаться в приличном доме.

Он бы много чего еще наговорил – да голоса на кухне что-то крепчать стали.

– Я не шучу и шутить не собираюсь! – звенела хозяйка. – Я тебе в последний раз предлагаю работать у меня шофером! Больше я тебя никуда пристроить не могу!

– И зарплату положишь? – глумливо поинтересовался хозяин.

– Сколько все шоферам платят – столько я и тебе!

– И ждать за рулем, пока ты не нагуляешься со своими хахалями?

– Ты что? Совсем сдурел? Какие тебе хахали? Ты еще следить за мной попробуй! Ты полагаешь, что у меня есть время и силы на хахалей? Два я домой прихожу – с ног валюсь! Мне уже даже ты не нужен!

– Это я вижу! – прогудел хозяин.

– И что же? Я должна построить для тебя завод? Привезти станки? Обеспечить госзаказ? И тогда ты согласишься надеть грязную спецовку? И вкалывать? Лешенька! Время другое! Проснись!

Хозяйка звенела почище всякого будильника, но хозяин, как Прохор уж понял, просыпаться не желал.

Он не хотел шоферить у хозяйкиных подруг, он не хотел учиться на балансоспособного бухгалтера, он не хотел сидеть охранником на складе, он не хотел даже в грузчики, а твердил о том, что руки просят работы, но хозяйке это было совершенно непонятно.

Феоктист Степаныч поспешил на кухню – ему как домовому дедушке, получающему хорошие подарки, надлежало блюсти мир в семье. И что-то он там наколдовал – стало тихо. Через гостиную в спальню пробежала хозяйка. Сунулась в сумку за мобильным телефоном – ахнула!

– Батюшки! Крыса, что ли, завелась?...

Поняв, что иначе не получится, она перевернула сумку вверх дном и стала вытряхивать все непотребство над креслом. Прохор еле успел уцепиться.

– Лешка! Ты посмотри!

Вошел хозяин. Хмыкнул.

– Полна квартира крыс – хоть бы ты что сделал! Мужик в доме, называется!

Хозяйкина логика была Прохору непонятна. Крысы вот ни с того ни с сего размножились... Но хозяин не возражал, что-то он в этих глупых словах услышал такое, такое...

Хозяйка с мобильником поспешила в спальню и закрылась там, чтобы без помех поговорить. Будь Прохор мужиком, спросил бы – с кем у нее, голубушки, завелись секреты? А вот хозяин не спросил.

Он просто сел в низкое кресло, так тяжело сел, что кресло простонало.

– Доигрался, Лешенька... – сказал он сам себе.

Пасмурный Прохор, не имея возможности выбраться, сидел со своим узелком в сумке и подглядывал в щелку. Пасмурный Лешка – в кресле. И длилось это невесть сколько. Наконец хозяин поднял крупную голову, обозрел все квартирное великолепие, тягостно вздохнул.

– Тошно... – проворчал.

Ох, как Прохор его понимал!

Хозяин устался на свои крепкие, тяжелые ручки. И Прохор на них устался с уважением. Такими лапами топор держать сподручно, пни корчевать, быка за рога наземь валить...

– А!.. – литой кулак треснул по журнальному столику, по самому углу, и треснул от души. Посуда взлетела в воздух и рухнула на ковер, стол встал на дыбы, Прохор втянул голову в плечи.

Хозяин встал. Посмотрел сверху на все безобразия.

– К черту! – только и сказал. Без всякого кривого слова, коротко и вполне пристойно послал он к черту этот журнальный столик, и ковер, на котором столик стоял, и паркетный пол, покрытый этим ковром, и двадцать шесть квадратных метров гостиной, выложенные паркетом.

В воздухе явственно повеяло надеждой!

Прохор высунулся из сумки по пояс. И увидел хозяйскую спину. В прихожей началась суeta. Хозяин что-то сволакивал с антресолей. Прохор съехал по крутому боку кресла и понесся на шум.

То, что он увидел, заставило его прям-таки застонать от восторга.

– Мой... – без голоса прошептал Прохор. – Мой!.. Мой!..

А прочие слова уж и ни к чему были.

Хозяин сбросил с антресолей старый рюкзак, литров на сотню, запустил в хлам ручищу по самое плечо и, поднатужившись, вытянул свернутый спальник.

Он уходил.

Уходил!

– Хозяин! Слышь, хозяин! – заорал Прохор. – С собой-то возьми!

– Это что еще за нечистая сила? – Хозяин вроде удивился, но не испугался. – Дедушка домовая, ты, что ли?

– Не домовая я! Сумочный!

– Какой?...

– Сумочный! – вдруг заново ощутив позор своей карьеры и покраснев под шерсткой до ушей, выкрикнул Прохор.

– Вот те на! По сумкам, что ли, промышляешь?

Это уже было превыше всяких сил.

– Ну, промышляю! – заголосил Прохор. – Станешь тут промыслителем, когда жрать нечего! Хозяин кинул! В холодильные не берут! Домовым дедушкой – рекомендаций требуют! А у вас в дамской сумке вакантное место открылось!

– Ты, что ль, у моей там бардак устроил? – Лешка расхохотался. – Ну, силен! Так выдь, покажись! Авось поладим!

По голосу было ясно – здоровенный мужик не против, чтобы при нем кормился еще кто-то, не сильно беспокоясь о сиюминутной пользе от постояльца.

– Чего на меня смотреть? На меня вам смотреть не положено! – отвечал Прохор. – Ты отвернись – я к тебе в рюкзак шмыгну. Я ж на самом-то деле – рюкзачный! Я сколько при рюкзаках служил! При настоящих – при «ермаках»!

– Точно?

– Точно! И спички у меня всегда сухие были, и крупа не рассыпалась, и шнуры не путались! Рюкзачное дело я туго знаю! Ночью костер стерегу! До рассвета разбужу, если на рыбалку! Трех хозяев мой лучший рюкзак сменил – вот последний-то меня и кинул... Другой приличный рюкзак в наше время поди найди... – Прохору вдруг показалось, что больно уж расхныкался, и это не придется Лешке по нраву, он ужаснулся собственной дури и выпалил первое, что пришло на ум, чтобы спасти положение: – А чтобы сигареты отсырели – да сам утоплюсь, а сигареты сберегу!

– Ну, ты мужик деловой, – одобрил хозяин. – Ладно, шмыгай, рюкзачный. Авось поладим. Есть же еще гда-то заводы, там люди работают! Есть же еще стройки! Хватит с меня этих калькуляторов!

– Не пропадем! – поддержал Прохор. – Ты если тушенку брать хочешь – сейчас банки кладу, хозяин. Хватит с меня этой помады! А я баночку к баночке уставляю, ты их и не почувствуешь.

Но тушенку Лешка брать отказался. Не в лес ведь идет – поездом, скорее всего, поедет. Он набивал рюкзак не охотничьим и не туристическим припасом, от чего Прохор морщился, однако так боялся утратить долгожданную и исконную свою должность, что и словечка кривого не вымолвил, лишь через слово называл Лешку хозяином.

– На-ка, пристрой в карман, – попросил хозяин. – И запомни, где лежат.

На плечи Прохору свалилось полдюжины легоньких пестрых квадратов.

– Что-о-о?!? – зарычал он, пихая эту мерзость ногой.

– Не что, а в кроссовки класть. Лучше всяких стелек! – объяснил Лешка.

Ну, раз так...

– Мужики мы или не мужики? – сам себя спросил Прохор, сам же и ответил: – Мужики! Не пропадем, хозяин?

– Ну! А звать-то тебя как?

Прохор не впервые говорил с хозяином, хозяев-то у него в славные рюкзачные времена перебивало порядком. Но именно сейчас он понял, что уже нельзя отвечать по-старому: «А Прошкой!»

Именно сейчас, когда со всех сторон светили одни неприятности, а бывлым благополучием и не пахло, следовало гордо выпрямить спину и потребовать от жизни уважения к себе.

– Прохором Терентьевичем! А тебя?

Хозяину по возрасту вполне можно было назвать себя, знакомясь, просто Лешей. Но каким-то образом ему передалось Прохорово понимание важности момента.

– Алексеем Павловичем.

Тут бы мужикам впору друг дружке руки пожать. Но и без того было ясно – есть уважение. А прочее – приложится.

Феоктист Степаныч, глядя на сборы с антресолей, казал Прохору мохнатый кулачишко. Если по уму – ему, домовому дедушке, всеми силенками следовало удержать хозяина. Однако мудрый Феоктист Степаныч видел и другое – в доме без Лешки больше порядка будет. Прекратится ор по ночам, не станет грязюки от кроссовок, опять же, чем хозяйке деньги на дармоеда переводить, пусть лучше давно обещанный ремонт в ванной произведет. Тогда можно будет бездельника Фалалея турнуть и толкового ванного нанять. В ванные-то после ремонта всякий охотно пойдет!

Представив, что придется снова искать по объявлению сумочного, Феоктист Степаныч прям-таки застонал и зажмурился. А тут еще дверь хлопнула, антресоли сотряслись, с чемодана сползла стопка газет и пришлепнула дедушку.

– Ох ты... – проворчал он, выбираясь. – Ну и скатертью дорога!..

Халява

– Какая ж это сволочь камень в вентиляцию сбросила? – ворчала Матрена Даниловна. – Это ж до чего дожить нужно, чтобы камни в вентиляцию спускать?! Вот теперь трубочиста вызывай, деньги ему плати, чужого человека в квартиру впускай... Непорядок, ой, непорядок...

Она положила у ног узелок, встала, как положено, руки в боки, глаза в потолки, и заговорила нараспев:

– А чтоб у тебя, у ирода, руки, которыми ты оный камень в оную вентиляцию сбросил, болели да не переставали, сохли, да не отсыхали, ногтеда их крушила, сухотка их сушила! Замок моим словам, венец моим делам! Но...

Она выждала время, необходимое для того, чтобы внутренняя сущность ирода поймала посыл, оценила его силы и перепугалась, и заговорила снова:

– А коли сам придешь, оный камень возьмешь, из вентиляции вынешь да с оным камнем сгинешь, унесешь его на болото – так и сойдет с твоих рук сухота! Замок моим словам, венец моим делам! Сказано – по стенке не размазано, тугим узлом завязано, слово крепко, к ироду лепко!

Камень, собственно, был комом засохшего бетона, однако для заговора это было неважно. Матрена Даниловна и тяжесть на сердце могла не менее весомо назвать камнем – ирод, подвесивший к сердцу эту тяжесть, точно так бы попал под сильный удар и мучался, пока не исправит содеянное.

А лазейку иродам она всегда оставляла.

Кроме того, она подозревала, что ироды – всего-навсего мальчишки, лазившие на крышу многоэтажки, воспользовавшись раздолбайством ремонтников, оставивших люк открытым. У мальчишек же внутренняя сущность еще не зачерствела, так что виновник, приклепнутый заговором, довольно скоро осознает содеянное и предпримет какие-то меры. Тем более, что живет он, скорее всего, в этом же доме...

Но меры он предпримет не раньше понедельника, когда можно позвонить в ЖЭК и вызвать человека, прочищающего вентиляцию. А камень – он лежит сегодня и сейчас, загорая живая дорогу. Конечно, можно пройти иным путем, но Матрена Даниловна привыкла бегать к своему Евсею Карповичу именно таким манером – и быстро, и незаметно, и, если к нужному месту ухо приложить, слышно, что дома делается.

А делаться могло много разного...

Прежде всего, законный супруг Матрены Даниловны, домовый дедушка Лукьян Пафнутьевич, мог взять да и проснуться. Затем – бывшие в его подчинении Акимка и Якушка, еще не освоившись в богатой квартире, могли учинить какую-нибудь шканду. Да и хозяева – те еще хозяева! От них тоже можно много глупостей ожидать.

Квартира, куда переехали два года назад хозяева, сперва ошарашила Матрену Даниловну с Лукьяном Пафнутьевичем стерильной чистотой, им даже нехорошо сделалось – как же тут порядок соблюдать? Прежде хозяева с дочкой Анечкой жили в простой двухкомнатной – ну, тут с домовых и спрос был невелик. Потом хозяин наконец начал получать прибыль и пользу от своего дела, которое сперва казалось безнадежным. Уж на чем он деньги зарабатывал – Лукьян Пафнутьевич ни понять не мог, ни, тем более, объяснить супруге. Хозяйка тоже сложа руки не сидела. Анечка всю училась. И настал день, когда двухкомнатная квартирка сделалась не то чтобы совсем мала – много ли человеку, в сущности, надо? – а неприлично мала и в какой-то мере неудобна. Хозяйка хотела больше времени проводить дома – ей требовался рабочий кабинетик. К тому же, она и дорогими вещами обросла, которые в шкафу не помещались, желательно было при спальне иметь гардеробную. Хозяин принимал солидных людей – тоже,

поди, не на кухне это следует делать! Анечка приглашала в гости подружек, однокурсников, сидели и слушали музыку до пяти часов утра – и лучше бы ее комната, где звучит эта жуткая музыка, отделялась от родительской не стенкой в газетный лист толщиной, а многими толстыми стенками.

Все это в новой квартире имелось – и приемная, и кабинетик, и спальня родителей, и дочкина комната, причем действительно в удачном месте, чуть ли не за версту от спальни. И еще одно страшно обрадовало Матрену Даниловну с Лукьяном Пафнутьевичем – хозяйева, посоветовавшись, решили покупать новую квартиру не в старом солидном, а в почти новом доме. То есть – ничего трухлявого, прогнившего, жучком источенного, грибок зараженного, плесенью вековой покрытого они за свои деньги брать не хотели.

– Там незнамо сколько в ремонт вложишь, и то неизвестно, какие сюрпризы полгода спустя вылезут! – полностью копируя хозяйку, объясняла Матрена Даниловна подружкам, когда вопрос о переезде почти решился и домовые на всякий случай собрали пожитки. – А новый дом – чистенький, лес неподалеку, тишина кругом, и гараж не через шесть кварталов, а тут же, во дворе.

Но не знала, ох, не знала бедная Матренушка, что встретит ее этот новый дом великими волнениями и душевными страданиями!

Хозяйева, учинив там ремонт, а потом уж въехав, сами испугались содеянного и попытались отвыкнуть от прежнего своего раздолбайства. Получилось, что главный в доме – ремонт, а они вроде как сбоку припека. Всякое пятнышко на стене уже вызывало угрызения совести, тяжелее всех приходилось Анечке, привыкшей лепить на стенку возле постели все, что казалось необходимым, от фотографии голого зверообразного дядьки с микрофоном до расписания лекций. Теперь и она, бедняжка, смотрела на безупречные стенки, не осмеливаясь ничем их стерильность потревожить...

Матрена Даниловна с Лукьяном Пафнутьевичем тоже растерялись – тут за каждой пылинкой набегаешь... Пришлось взять помощников. А некоторое время спустя, когда быт налачился и знакомства с соседями завелись, шарахнуло Матрену Даниловку камушком по темечку – обнаружила она, что в однокомнатной квартире, что через подъезд, живет очень гордый и независимый домовый Евсей Карпович.

Хозяйствишко у него было, сказать прямо, нищее, но тем выше задирал он нос и тем отчаяннее пытался содержать дом достойно. Тем, кто давал советы, отвечал кратко и решительно, а главное – однозначно. Матрена Даниловна заинтересовалась – и выяснила, что норостивый сосед сильно привязался к хозяину, совсем еще молодому парню Дениске. Дениска эту квартирешку снимал, сам был из глубинки, работал где-то охранником, сутки через трое, а вообще – учился в институте на юриста. Матрена Даниловна пригляделась к этому студенту – и он ей понравился, потому что непьющий и почти некурящий, девок не водит, жуткой музыки по ночам не слушает. Потом, правда, выяснилось, что слушает – но через наушники, чтобы соседей не беспокоить, и это ей тоже легло на душу. А через студента Матренушке и Евсей Карпович полюбился...

Не было бы счастья, да несчастье помогло – Дениска свалился с жесточайшим гриппом, а лекарств в хозяйстве не водилось. Евсей Карпович в аптеку пойти не мог, сунулся к соседям с вопросом: как подручными средствами больного выхаживать. А всех подручных средств – вода из-под крана! Матрена Даниловна уверенно заявила в гости и с таблетками, и с клюковкой для морса, взятыми в долг без отдачи у собственных хозяев. Евсей Карпович при всей своей гордости отказать не сумел – вот и пошло-поехало...

И если своему Лукьяну Пафнутьевичу Матренушка могла при нужде дать укорот, прикрикнуть, едким словом обжечь, то своего Евсея Карповича и случайно обидеть боялась. Так и жила – в одном доме полновластной хозяйкой, в другом милой и бесправной гостьей. В одном

доме пускалась на хитрости, чтобы спроворить гостинец, в другом же – чтобы этот гостинец по-умному вручить и не быть с ним выставленной обратно в вентиляцию.

Вот почему домовая бабушка Матрена Даниловна не поспешила за своим законным супругом с помощниками, чтобы окаянную камениюку с места сдвинуть, а пошла в обход, по межэтажным перекрытиям, вздрагивая от каждого шороха и даже вжимаясь в трещины на блоках – как оно, кстати говоря, и положено при хождении налево...

* * *

А меж тем хозяева сидели в гостиной принаряженные и смотрели на часы.

– Нет же еще семи, – сказала хозяйка. – Что ты дергаешься?

– Надо же! – ответил хозяин. – Давно ли сам вот так знакомиться шел! Вот – сижу, зятя поджидаю! Кошмар!

– Ну, еще неизвестно, зятя или не зятя, – разумно возразила хозяйка. – Анька про это ничего не говорила.

– Если экстраполировать нашу молодость на теперешнее время, то этот товарищ сегодня останется у нас ночевать.

В какой-то мере хозяин был прав. Сами они с хозяйкой перед тем, как пожениться, около года сожительствовали потайным образом в студенческом общежитии, и лишь потом поставили родителей обеих сторон перед двумя фактами разом – беременностью и будущей свадьбой. Анечка, если не хочет отстать от времени, будет жить со своим другом без всякого законного брака вполне открыто и даже в родительской квартире. С одной стороны – куда мы катимся? А с другой – оно как-то и спокойнее, когда все на виду.

– Ну, останется – значит, останется, – обреченно заметила хозяйка. – В конце концов, ей уже двадцать лет. Ты хочешь иметь дома вторую тетю Надю?

Хозяин даже руками замахал. Тетя Надя была совершенно классической старой девой, одновременно интеллигентной до жути и сварливой. Одного такого экземпляра на две семьи вполне хватало, второй не требовался.

– Ровно семь, – сказал хозяин. – Поторопилась ты, мать, все там у тебя пересохнет.

Имелось в виду жаркое, стряпанное правильно, а не в микроволновке.

Тут в дверях заскрежетало.

– Ну, наконец-то! – родители разом встали и вышли в прихожую.

Тот, кого Анечка привела знакомить, был внешности обыкновенной, в меру высок, в меру плечист, национальность по роже совершенно не определялась, поздоровался вполне вежливо, смутился в пределах разумного. Хозяйка тут же пошла на кухню, а хозяин стал усаживать дочку с возможным зятем за накрытый стол.

– Не стесняйся, Алексей, у нас по-простому, – сказал он. – Я сам не из профессорской семьи, моя Марина Игнатьевна тоже рабоче-крестьянского происхождения, вот Анька у нас – аристократка в первом поколении, да и то...

Хозяин лукавил – не будучи профессорским сыном, он тем не менее получил полтора высших образования, сперва – половину, причем учил что-то совершенно бесполезное и с радостью бросил эту тягомотину по случаю рождения дочки; потом – уже то, без которого было не обойтись, серьезное экономическое.

Хозяйка, Марина Игнатьевна, действительно была рабоче-крестьянского происхождения: с одной стороны прадед-слесарь и дед, директор завода, с другой – прадед-агроном и дед, председатель колхоза. Семья даже при прежней власти накопила имущества и даже недвижимости, которую теперь благополучно приватизировали. Дача у хозяина с хозяйкой была – загляденье, тремя поколениями возлеяна. И без машины никогда не сидели, тем более теперь – хозяин ездил на «ауди», хозяйка на «гольфике», но временно – пока не научится как следует.

За столом говорили о перспективах. Алексей рассказал, что вот учиться надумал, к экзаменам готовится, пока у дяди на складе работает, зарабатывает немного, зато время, чтобы над учебниками сидеть, имеется в избытке. А почему сразу после школы не поступил? А непруха пошла – перед самыми экзаменами аппендицит схлопотал, и не простой, а гнойный, три недели в больнице прожил.

Поев, посидев около часа, гость засобирился. Анечка с мамой принялись удерживать. Ну, удержали. Потом дочка повела будущего зятя к себе, а родители остались в гостиной.

– Как тебе? – спросил хозяин. – Вроде парень с головой.

– Да ничего, лишь бы Аньке нравился, – ответила хозяйка. – Только, знаешь, двух студентов содержать...

– Так у него же семья, дядя вон склад имеет. Помогут!

– На словах все помогут. Ты вон посмотри, какие у него штаны. Этими штанами уже полы на вокзале мыть пора, – хозяйка, понятно, примечала то, что хозяину в глаза не бросалось. – Если он у дяди своего на новые штаны не заработал, то что же это за родня?

– Хм... – хозяин очесал в затылке.

– И штаны эти у него единственные! Иначе для такого знакомства другие бы надел!

– Да что ты все про штаны?! Думаешь, он замечает, какие на нем штаны?! Человек учится, ему не до того.

– Ну разве что учиться...

В общем, отношение к будущему зятю было какое-то смутное.

Хозяйка пошла на кухню загружать посудомоечную машину. И то ли задумчивость подвела, то ли нога не туда ступила – ахнула хозяйка и уронила на пол большую тарелку. Тарелка расколосась ровнехонько на две половины.

– Будь ты неладна! – воскликнула было хозяйка, и тут услышала прямо в ухе быстренький такой шепоток:

– К счастью, к счастью, к счастью...

– К счастью... – растерянно повторила хозяйка и вдруг широко улыбнулась – а ведь в самом деле!

Две половинки лежали у ее ног такие миленькие, что прямо жаль их в мусорник выкидывать. Хозяйка вздохнула – похоже, дело пахнет свадьбой...

* * *

Матрена Даниловна приоткрыла вентиляционную решетку, высунулась, прислушалась – тихо вроде. Лукьян Пафнутьевич, надо думать, дремлет в укромном местечке на антресолях, Акимка и Якушка в ванной сидят, играют, кости кидают, то Акимка Якушке проиграет и за него прибирается, то наоборот.

Но жестоко ошиблась Матренушка!

Заглянула она, убоготворенная милым Евсеєм Карповичем за ванну, где обитали подручные, и сразу шум услышала, и за сердечко взялась: ахти мне, старый проснулся, жены не нашел, молодых допрашивает! А они ведь и пронюхать могли!

Не сразу и разобрала, что из трех голосов два – сердито-плаксивых, а один – наглый, бабий.

За ванной был закоулок, нарочно оставленный на случай, если будет какая каверза с трубами, так чтоб сантехники могли до всех мест добраться. Человек туда мог заглянуть только стоя на четвереньках и извернувшись, и хозяйка такой акробатикой не занималась. А в закоулке стояли две из пластмассовых коробков изготовленные постели подручных, стол для еды и игры, а еще красивая баночка из-под хозяйкиного крема – для дизайнера, как объяснил Якушка. Постели были покрыты чистенькими лоскутами.

Войдя, Матрена Даниловна увидела две знакомые спины. Подручные стояли рядком и честили кого-то отборными словами. Взяв их за шиворот обоих, Матренушка чуть приподняла Акимку с Якушкой и поставила врозь, сама же оказалась промеж них. И тут лишь увидела, что на Акимкиной постели сидит девка.

– Здра-а-асьте вам! – воскликнула Матренушка. – Ты еще откуда взялась на наши головы?

Нет, не надо думать про Матренушку плохо, она понимала, что подручные ребята молодые, им и положено за девками бегать, а совсем в возраст войдут – будут бить Лукьяну Пафнутьевичу челом, просить дозволения жениться. Матренушка была готова идти на смотрины, придирчивым оком исследовать невесту и, вернувшись, доложить: девка и собой хороша, и из семьи почтенной, и скромница, и рукодельница, и старших уважает, и порядок знает. Увидев такую девицу, пусть даже сидящую на холостяцкой постели, Матрена Даниловна обратилась бы к ней по-хозяйски любезно.

А перед ней развалилась, даже не подумав встать, такая красотка, что оторви да выбрось. Прежде всего увидела Матренушка голые коленки, да что коленки – и ляжки тоже были голыми! Длинные мосластые ноги, закинута одна на другую, были в грязных пятнах и полосах, как будто гостя нарочно в луже извалялась.

Сразу над коленками маячила рожа, именно что рожа, с приплюснутым носом, с широким губастым ртом, с крошечными глазками, впридачу лопухая. Коротенькие желтые волосенки, из той породы, что именуется «пять волос в три ряда», торчали дыбом.

Коленки да рожа – этого Матренушке вполне хватило.

– А взялась вот! Жить у вас буду! – сообщила рожа.

– Ах ты, раскудрить тебя! Акимка! Якушка! Кто это диво привел?!

– Само приперлось! – чуть ли не хором ответили подручные. – Гоним, гоним – не уходит!

– А впустил кто? Дверь-то на запоре, поди! Хозяин деньги тратил, замки покупал!

– Да за женихом она увязалась! С ним притащилась, окаянная! Он – в дверь, и она – зади, на штанине! И затихарилась! – загомонили Якушка с Акимкой, премного довольные, что наконец вернулась домой хозяйка и выставит рожу за дверь.

– Та-ак... – протянула Матренушка. – Ну, погостила – пора и честь знать. Выметайся отселева!

– А не выметусь, я теперь тут жить буду, – сообщила рожа. – Хозяин мой тут, и я при нем. Мой-то скоро здесь все под себя подгробет! И я вам всем укорот дам. А пока укажите мне, где спать, да паек дневной выдавать не забывайте.

– Ого! – удивилась Матрена Даниловна. – Акимка, ты постарше и поумнее. Кто это нашего хозяина под себя подгробать собрался?

– Да хозяйская Анютка жениха привела, – сказал понурый Акимка. – Совсем захудалый жених попался, а наших словно кто обморочил – он соловьем разливается, а они и не понимают, что врет!

– Ты еще, Матрена Даниловна, в мусорник загляни, – посоветовал Якушка. – Хозяйка из-за нее, стервы, большую тарелку от сервиза разбила. Хозяйка – ах! А это ей нашептывает: к счастью, к счастью, к счастью...

– Работа моя такая, – снисходительно объяснила рожа. – Потому как мой-то меня вымолил, я ему в награду за веру дадена и должна теперь о нем заботиться. Вот – пристрою на хлебное местечко, чтобы все его тут любили, а он лежал на ливанчике да в потолок поплеывал. Дочка хозяйская мне приглянулись, сами – работающие, моего до старости прокормят! Дача-то у вас где?

– Акимка, беги, буди Лукьяна Пафнутьевича! Скажи – беда! – велела Матрена Даниловна. – В три шеи гнать надо!

– А поди выгони! – рожа оскалилась. – Сказала – здесь буду жить, так, значит, и буду!

Она поднялась с постели и оказалась тощей плечистой девкой, на голову выше и Матренушки, и подручных. Короткое платьишко едва прикрывало срам, а голые руки были мускулисты, как у грузчика, да еще и с длинными грязными когтями.

– Что тарашисься? – спросила рожа. – Без когтей мне нельзя, нужно же цепляться-то! Да, чтоб не забыть! Ты вот еще не спросила, как меня звать-величать. Запомни – звать меня Халява!

* * *

Лукьян Пафнутьевич оказался в этом деле не помощник. Увидев высокую тощую девку, он даже облизнулся.

– А что ноги грязные – так это и помыть можно!

И распорядился:

– Якушка, научишь, как краном пользуются. А ты, Матрена, цыц!

Вот и получилось, что Халява заняла в доме почти законное место.

Матренушка пробовала растолковать Лукьяну Пафнутьевичу, какую нечисть приволок за собой жених Алексей, но домовый дедушка оказался непробиваем. Даже гаркнул сгоряча:

– Уймись, Матрена, пока за косу не оттакал! Девка здоровая, я ее к хозяйству приставлю, а дармоеда Якушку – вон!

– Это она на вид здоровая! Работать ты ее не заставишь!

– А заставлю! Нешто я не домовый дед?

– Домовой-то домовый, да ведь она – не нашего племени, и слушаться тебя ей, может, вовсе не положено!

Лукьян Пафнутьевич пошел приказать Халяве, чтобы повытаскивала из ковра мелкие бусинки, которыми была расшита театральная сумочка хозяйки. Сумка, лишившись своей красоты, была до лучших времен закинута на антресоли, и очень Лукьян Пафнутьевич по этому поводу ругался – за вещь деньги плачены, вот ее попортили, а чинить не желают.

– А со мной – где сядешь, там и слезешь, – отрубил Халява. – Сам свои бусины ищи, а мне они ни к чему.

Дед хотел было усмирить ее оплеухой, но здоровая девка увернулась и больно заломила ему руку.

– В другой раз выпорю при всех! – пообещала. – Ишь! Раскомандовался! Пошел бы вот да принес мне ужинать!

При этом случились Акимка с Якушкой – так рты и разинули.

Оскорбленный и униженный Лукьян Пафнутьевич от сознания своего бессилия решительно полез на антресоли – ладить петлю. Подручные в панике понеслись звать хозяйку, вовремя успели – плача и причитая, Матренушка своего законного супруга из петли вынимала.

Наказав подручным следить за ним в четыре глаза, ночью Матрена Даниловна ускользнула просить совета у Евсея Карповича.

Евсей Карпович был делом занят – расхаживал по клавиатуре включенного компьютера, да не просто так, а со смыслом: где притопнет просто так, а где – дважды.

– Тише, Матрена, – прошептал. – Мой-то совсем отрубился...

Дениска спал, свернувшись калачиком, на диване.

– Ты бы одеяльце-то ему подоткнул, – укорила Матренушка.

– Не малое дитя, не простудится. Я вот ему работу правлю. У него семинар на носу...

– И что же?

– А то! Слово «криминальный» через «е» вон настучал. И слово «привентивные» – видишь?

– И что?

– А надо – «превентивные».

Евсей Карпович топнул посередине клавиатуры.

– Ловко это у тебя выходит. А скажи, Евсеюшка, ты знаешь, кто такая Халява?

– Халява... – домовый призадумался. – А слышал. Ее на зачетку приманивают. К моему гостю приходили, рассказывали.

– Как это – на зачетку? И нельзя ли ее на ту зачетку обратно выманить?

– Куда это – обратно?

– Из дому то есть...

– Темнишь ты что-то, – строго сказал Евсей Карпович. – Ну-ка, говори толком.

– Халява у нас завелась! – воскликнула Матренушка. – Житья от нее никому не стало!

И разревелась в три ручья.

– Вот не было печали, – пробурчал домовый.

Матренушка рыдала прямо на столе, присев на коробку для дискет, и он устроился рядом, приобняв, по плечу хлопал и глупые ласковые слова на ушко шептал – те самые, успокоительные. Наконец она хлюпнула носом в последний раз. Но, по бабьей своей хитрости, высвободиться из объятий не стала, а даже еще теснее прижалась.

– Ну так вот, откуда эта Халява берется на самом деле – не знаю, не скажу. А, говорят, ее можно вымолить. Уродится, скажем, такой бездельник, что хоть его за деньги показывай. И велят тому бездельнику родители учиться в институте. А ему учеба хуже каторги. Вот он весь семестр бездельничает...

Слово «семестр» Матренушка знала – все-таки Анечка тоже была студенткой. Поэтому сказала «ага», но как сказала! С восхищением перед тем, какой у нее Евсей Карпович образованный.

– Бездельничает, а сессия возьми да и начнись. И вот экзамен сдавать, а у него в дурной башке и конь не валялся. Значит, ночью, как часы бьют, нужно руку с раскрытой зачеткой за окно выставить и трижды взмолиться: Халява, ловись, Халява, ловись, Халява, ловись! Бывает, что и ловится.

– Еще как бывает!..

И Матрена Даниловна рассказала Евсею Карповичу, какое дома стряслось несчастье.

– Дармод, стало быть, – подытожил домовый. – Ну, как я понимаю, главная во всей этой истории – Анечка. Нужно так сделать, чтобы она того дармодея выгнала. Если не она – так больше некому, только она в праве. А вместе с ним и Халява уберется.

– Да как же, Евсеюшка?... Они и пожениться сговорились!..

Должно быть, слишком громко восклицала Матренушка – Дениска пошевелился. Домовые тут же, присев на корточки, спрятались за дискетной коробкой.

– Нишкни ты... – прошипел Евсей Карпович. – Разбудишь мне парня, а ему с утра на дежурство заступать. Работа да учеба, работа да учеба – и выспаться-то ему толком некогда.

– Да, этот – не дармод...

И Матренушка внимательно посмотрела на светлые Денискины волосы, на пряменький, чуть вздернутый нос, на упрямый подбородок. Вот только глаз было не разглядеть – потому как закрыты. Но ей и профиля вполне хватило...

* * *

Как и следовало ожидать, избалованная Анечка поселила Алексея в своей комнате. А Халява целыми днями тем и занималась, что нашептывала хозяевам, какое ценное приобретение этот самый Алешенька.

Приобретение ходило на работу, но не слишком часто, а дома обожало валяться на диване в обнимку с Анечкой и строить планы на будущее.

Лукьян Пафнутьевич еще раз два сцепился с Халявой, но без толку. Зловредная девка давала ему отпор, да такой – мало не показалось. Привыкший к повиновению домовая дедушка впал в депрессию, так что Акимка с Якушкой умаялись у него веревки отнимать. Матренушка же искренне и горестно недоумевала: за этого ли слюнтя она замуж шла? До той поры только и был силен, пока не встречал противодействия...

Среди подручных тоже разлад пошел – Акимка сообразил, что Халява тут теперь за главную, и начал всяко к ней ластиться. Как-то ночью Матренушка, уливленная журчанием воды в ванной, заглянула проверить – закрыл ли разлюбезный зятек кран да не выйдет ли потопа? Обнаружила она там сухую семейную идиллию – Акимка купал Халяву и трогательно надраивал ей спинку.

Той же ночью Матрена Даниловна поспешила к Евсею Карповичу, и он ей дал дискету, растолковав, куда встромлять и на что нажимать. Сам же идти в чужую квартиру наотрез отказался. Пришлось ей, бедолаге, одной этим делом заниматься.

Проста душой была Матренушка и несложным вещам обучена. Тараканов и моль гонять, за порядком следить, заговорам кое-каким тоже – но вот компьютерному делу невест у домовых сроду не обучали. Семь потов с нее сошло, пока установила в Анечкином компьютере новый скринсейвер. А когда увидела на экране жуткую картинку – побелела, бедненькая, и руками за щеки схватилась, и – ах, ах, ах!

Выключив машину, прямо среди бела дня поспешила она к Евсею Карповичу. Тот, к счастью, домовничал один – Дениска ушел на лекции.

– Ты что ж это, ирод, мне подсунул?...

– Я, Матренушка, все Сети перетряс, пока эту мерзость сыскал, а ты же еще и ругаешься, – укоризненно сказал домовая, который повадился в хозяйское отсутствие шариться по Интернету. – Тут просто голых девок ставить – проку бы не было, посмеялась бы твоя Анечка, и только.

И под страхом смертной казни не рассказала бы Матренушка, что за кошмар увидела она на мониторе. Конечно, знала она, что и между мужиками всякое бывает, но не такое же!

– А ты мое задание выполнила? – спросил Евсей Карпович.

– Да не до того было!

– Ну, гляди...

Когда Матрена Карповна явилась домой, в комнате у молодых был скандальчик. А и как ему не быть, когда Анечка, вернувшись и включив машину, такую срамотищу обнаружила? Родители ее поставить не могли, значит – Алешка!

И тут Евсей Карпович правильно рассчитал. Жениху бы покаяться да посмеяться – я, мол, дурака валял, сейчас сотру. Все бы шуточками и кончилось. А он оправдываться принялся. Но если умом рассудить – не с луны же поганый скринсейвер свалился! Анечка так прямо и сказала нареченному – либо ты его поставил, либо я, а мне такая похабщина не нужна!

Тем не менее к ночи они помирились.

Матрена Даниловна же собралась в экспедицию.

Была у нее подружка Агафья Тихоновна, вдовая домовая бабушка, проживавшая уже на пенсии. Поскольку жить в квартире или в частном доме она могла только при муже, то родня пристроила ее на хорошее местечко – в ресторан. Там она могла и спиртным заодно приторговывать. В ресторане Агафья Тихоновна прижилась и даже открыла что-то вроде закладной лавочки, беря в залог за свой товар явно украденные от хозяев вещи. Иную выкупали, иная так и оставалась на вечное хранение.

Зная, что разносолами подружку не удивишь, Матрена Даниловна понесла ей главное свое сокровище – простенькое золотое колечко с александритом. Колечко она много лет назад получила в приданое и очень им гордилась, хотя носить и не могла. Но не до жиру – быть бы живу. В обмен на колечко она притащила в заплечном мешке много всякого подозрительного

добра и спрятала его у Евсея Карповича, да там до утра и осталась, благо у Дениски было дежурство.

Вернувшись к утру, она обнаружила, что в ее кровати спит Халява, нахально выставив босые лапищи невероятного для девки размера. А кровать не так давно сам Лукьян Пафнунтьевич смастерил из большой нарядной коробки от Анечкиных дорогих духов, и пахла она почти как райский сад, навевая смутные, но прекрасные соблазны.

Погрозив нахалке кулачком, Матрена Даниловна пошла будить Якушку.

– Пошли, Яков! – строго сказала она. И повела шалого со сна подручного прямиком в Анечкину комнату.

Там они залезли на тахту к молодым, и достала Матренушка кусок широкой черной резинки.

Встав на подушку справа от Алексеевой головы, она велела Якушке встать справа и перекинула ему край резинки. Затем домовые наложили ее на горло жениху и потянули – каждый в свою сторону и еще чуточку вниз.

Несколько секунд спустя Алешка стал задыхаться и сквозь сон шарить руками по шее. Резинку ослабили, потом опять натянули, и так – раз семь или восемь. Наконец Матренушка решила – хватит баловаться, пора душить всерьез.

Дико заорал, почуяв свой смертный час, Алешка. Домовые выпустили из рук резинку и скрылись: Матрена Даниловна – за валиком тахты, а Якушка вообще по простыне на пол съехал. Резинка же улетела туда, где ее не так-то просто было заметить.

– Ты что, сдурел? – возмутилась Анечка. – Глюки, да?!

Алексей пробовал было объяснить, что его чуть насмерть не удавили, но логики в рассуждениях не наблюдалось – раз тебя давили во сне, то чего же ты наяву за шею держишься?

Матрена Даниловна уже почти торжествовала победу, как из-за валика заметила встревоженную рожу Халявы.

– Ах ты мой бедненький, дай я тебя приласкаю... – зашептала Халява. – Испугался, солнышко? Целый день на работе, устал, вот кошмарники и мерещатся... А я вот с мамой поговорю, с папой поговорю – чего тебе на тот склад ходить? Все равно ты там больших денег не зарабатываешь... Будешь дома сидеть, к институту готовиться...

– Ах ты мой бедненькай, – вмиг остыв, повторила Анечка. – Испугался, солнышко?...

Матрена Даниловна и руки опустила.

* * *

Услышав про очередной Халявин подвиг, Евсей Карпович призадумался.

– Сколько живу, ни разу этой Халявы не встречал, – сказал он. – И повадок ее не знаю. А у кого спрашивать – непонятно. Мы, домовые, у бездельников не заживаемся, хороших хозяев ищем. А Халява к бездельнику льнет. Вот и не пересекаемся.

– По старинке дармоеда выжить не получается, но, может, какие иные способы есть? – с надеждой спросила Матрена Карповна. – Мы, домовые, всегда нежеланного жильца выжить умели!

– Так то – жилец, а то – Халява...

Евсей Карпович почесал в затылке.

– Совсем она семейство обморочила! Евсеюшка, голубчик, выручай! Уж если ты не догадаешься – так и никто не догадается! Анечка ведь ему все прощает – и то, что я на дискете притащила, тоже простила! А я бы за такое в волосенки-то вцепилась бы, да пинками, да пинками!..

– Уймись, Матрена, – приказал Евсей Карпович. – Ты от Агафьи чего принесла?

– Трусики, – несколько смутившись, ответила Матренушка. – Дамские. Такие, совсем никакие... Чтобы он их из кармана словно бы нечаянно вынул.

– Трусики – это хорошо, – одобрил домовый. – Еще?

– Помаду губную. Евсеюшка, дома две хозяйки, обе красятся, а такого цвета я у них не видела. Я придумала его рубашку вымазать, которую он в грязное для стирки кладет.

– Это ладно. Еще?

– Духов пузырек, каких у нас дома нет. Буду его чужими духами поливать, а Анечка пусть принимает.

– Трусики не в карман совать нужно. Если твой дармоед вовсе с работы уйдет и дома засядет, то ты их в постель подбрось. Пусть будет видимость, будто он, один оставаясь, кого-то к себе водит.

– Ой, стыдоба-то какая... – прошептала Матренушка, напрочь забыв, что сама от живого мужа к соседу бежит. Но раз уж у домовых развода не бывает, а какого мужа тебе дали, с тем и живи, то некоторое оправдание у нее все же имелось.

– Мало, – подумав, решил Евсей Карпович. – Ты – духами, а она – шепотком своим, так на так и получится. Иначе надобно. Как бы нам понять, откуда эта Халява взялась?

– Сам же говорил – с неба!

– Да не с неба...

– Ее на зачетку ловят! У Дениски-то твоего зачетка есть?

– Как не быть! Так это что же получается? Соврал, выходит, твой Алешка? Ты говорила – в институт потому не поступил, что аппендицит его прошиб. А зачетка откуда?

– Ой! И верно!

– Ох, Матрена, Матрена... И сама бы заметить могла...

Но умен был Евсей Карпович – увидев, как огорчилась подруга, тут же ее и приласкал.

– Я вот что надумал, – сказал он потом. – Сами не справимся. Буду с Дениской говорить.

– Да ты что? Когда ж это домовые у людей помощи просили? Наоборот – это мы им помогаем!

– Выходит, настало время, когда и они нам помочь должны. Якушка, говоришь, на твоей стороне?

– А Акимка, подлец, к Халяве переметнулся! Больно умный!

– Хорошо. Ты теперь, Матрена, ступай и с Якушкой переговори. Чтоб вдругорядь его привела и со мной познакомила.

– Ну, ты, Евсей Карпович, не то говоришь. Хочешь, чтобы он все про нас понял?

– Невелика беда. Ты ведь все равно с Лукьяном жить не станешь.

Матренушка хотела было спросить «с чего ты взял?», да вовремя рот захлопнула. Когда такое говорят – лучше всего молчать да кивать, чтобы удачу свою не спугнуть!

Опять же – видела она, что у Евсея Карповича что-то мудрое на уме. И, привыкнув к тому, что ее всегда одергивают словами «у бабы волос долог, да ум короток», Матрена Карповна вопросов задавать не стала.

В конце концов, гонять из дому непрощенных гостей – мужская забота.

* * *

А Евсей Карпович и впрямь обратился к Дениске.

Зная, когда парню возвращаться с дежурства, он закипятил в джезве воду и заварил крепкий чай, изготовил также бутерброд с колбасой.

– Ни фиги себе! – удивился Дениска, войдя на кухню. – Кто же это тут без меня хозяйничает?!

– А я и хозяйничаю, – отозвался из-за холодильника Евсей Карпович. – Домовой я твой. Третий год совместно проживаем. Показаться не проси – этого нам не положено. А разговор у меня к тебе есть.

– Неловко как-то, – заметил Дениска. – Я сижу, чай пью, бутерброд ем, а ты там, не знаю где, слюнки глотаешь? Может, я бутерброд разделю и спиной к тебе сяду?

Он не то чтобы совсем не испугался – и удивление, и легкий испуг имели место. Да только Дениска на самом деле уже не только знал о существовании Евсея Карповича, но даже мельком его видел – когда валялся с высокой температурой, а домовый его из ложечки морсом поил. Опять же, потеряв нужную вещь, Дениска обращался вслух:

– Домовой, домовый, поиграй и отдай!

Вещь довольно скоро находилась.

И, если с другой стороны посмотреть, стыдно охраннику в серьезной фирме, будущему юристу, от ужаса визжать. Что бы дома ни завелось – разбираться нужно спокойно, без суеты и воплей, по-мужски.

– Нет, я не голоден. А вот разговор имеется. Ты ешь, я говорить буду, – распорядился Евсей Карпович. И рассказал про соседскую Халяву.

– Не подскажешь ли чего? – спросил напоследок.

– Как ее на зачетку ловят – это ты правильно описал... – Дениска задумался. – Говоришь, у соседей дочка красавица?

– Сам не видал, а слухи ходят. Ну так как же? Не бредет тебе на ум, откуда эта Халява взялась?

– Мне другое на ум забрело. Она ведь не одна такая. Их, Халяв, по-моему, много... Сам посуди, дедушка, перед сессией знаешь сколько зачетов в окнах торчит? А на халяву знаешь сколько народу сдает? Да только у нас в институте, на моем кусе, не меньше десяти Халяв трудится!

– Так ведь этот Алешка не студент даже.

– Ну, это он Халяву на чужую зачетку подманил.

– А что, бывает такое?

– Все бывает, – хмуро сказал будущий юрист. – Нужна ему была Халява, а другого способа не знал. Ну, дедушка, задал ты мне задачу. Если подумать – то где-то должен быть всемирный халявный центр, оттуда они и летят.

– Ишь ты! Так погоди, Денис Андреевич! Если их, Халяв, много, то не словить ли нам одну и не допросить ли ее хорошенько? Должен же быть способ обратно их туда, в халявный центр, отправлять?

– Тоже верно! У меня коллоквиум завтра, если не сдам – к экзамену не допустят. Так что давай-ка ночью и попробуем!

– А давай. Но я своих приведу – тебе ее, Халяву, ловить несподручно, ты ее, поди, своими человечьими глазами и не увидишь, а мы втроем навалимся – и она будет наша. Тебе останется только допросить.

– Надо же, практика! – обрадовался Дениска.

Но Евсей Карпович вдруг сообразил, как он сам себя озадачил, и промолчал.

Был он изрядно самолюбив, и хотя Матрена Даниловна пришлась ему по душе, из гордости даже близко к ее жилищу не подходил. Все-таки она была из богатого житья, Лукьян Пафнутьевич держал двоих подручных, а он, Евсей Карпович, – из бедного житья, и это мешало открытому проявлению добрых чувств.

Подумав хорошенько, Евсей Карпович обратился к Дениске с таким неожиданным вопросом:

– А что, Денис Андреевич, ты навсегда курить бросил, или какая сигаретка в застаканнике осталась?

– Загашник-то был, коробка за книгами, да только с ней чудеса творятся. Я думал – там еще штук пять осталось, хотел Сашку угостить, гляжу – стоит пустая. Не твоя ли работа, дедушка?

Евсей Карпович хлопнул себя по лбу. И точно – он сам потаскал сигареты, вместе с Матреной Даниловной разложили их в шкаф, потому что Матрену кто-то научил табачным запахом от моли избавляться.

Отыскав одну, не шибко помятую, он дал ее Дениске и научил, чего с ней делать.

Парень, встав на табуретку, закурил и стал пускать дым в вентиляцию, а домовый в это время бормотал зазыв: мышшь идет норой, дым идет горой, и так далее.

– А теперь, Денис Андреевич, поскольку ты с дежурства усталый, ложись-ка спать. Я же буду встречать гостей, – распорядился Евсей Карпович.

– Есть, командир! – весело отвечал Дениска и рухнул на диван.

* * *

Ночью бригада по захвату Халявы заняла места согласно плану: Дениска с зачеткой – у открытого окна, а Евсей Карпович, Матрена Даниловна и Якушка – за пачкой «геркулеса» на подоконнике.

У домовых были припасены веревки и даже сетка – вязать Халяву. Сетку изготовила Матренушка из Анечкиных колготок в крупную дырку.

Дождались полуночи.

Дениска выставил за окно руку с раскрытой зачеткой.

– Халява, ловись! Халява, ловись! Халява, ловись! – довольно громко произнес он.

Наступила тишина. Сперва наступила, а потом и затянулась.

– Ну, как? – шепотом поинтересовался Дениска.

– Да никак! – с досадой отвечал Евсей Карпович. – Вдругорядь давай.

Дениска повторил процедуру. И с тем же успехом.

– Может, не говорить, а кричать надо? – предположила Матрена Карповна.

– Соседи переполошатся, – возразил Евсей Карпович, но тем не менее уточнил у Дениски подробности ритуала.

Оказалось, что в студенческих общагах, где эту халявную магию практикуют, не только что орут благим матом, а даже и в нетрезвом виде халяву ловят.

Пить Дениска сперва отказался наотрез. Потом сгоняли Якушку к Агафье Тихоновне, и он приволок целый пузырек шотландского виски, грамм двадцать пять, а то и все тридцать!

Выпив и колбасой закусив, Дениска раздухарился и проделал ритуал почти так, как полагается. Но проклятая Халява как сидела в своем всемирном центре, так там и осталась.

– Что же ей, дуре, не понравилось? – Евсей Карпович склонил голову набок и под иным углом зрения стал рассматривать хозяина. – Парень справный...

Якушка же, высунувшись из-за его спины, уставился в раскрытую зачетку.

– Так, дядя Евсей! Зачетка же неправильная!

– Это как?

– Там по всем предметам «хорошо» и «отлично»! А Халява к бездельникам идет!

– Ты думаешь? – попросив Дениску отвернуться, Евсей Карпович перелистал зачетку и с большим удовлетворением отметил, что не бездельника воспитал.

Но сейчас от этого радости было мало.

– К бездельникам, стало быть, идет, а тружеников не любит... – здумчиво уточнил Евсей Карпович.

– Да какой же я труженик? Вон, реферат которую неделю сдать не могу... – пожаловался Дениска.

– Цыц! – совсем по-свойски прикрикнул на него домовый. – Труд, значит, для нее хуже горькой редьки?

– Может их, в том всемирном центре, к труженикам просто не пускают? Она к нему рвется, а ей: цыц? – предположил Якушка.

– А может, их там не больно много, и начальники стараются, чтобы всем бездельникам хватило? – это уже была версия Матрены Даниловны.

– У нас на курсе бездельников хватает, но халявщиков не так чтобы много, – Дениска, увлекшись, стал загибать пальцы. – И на работе. Вон Гончаренко был халявщик – выперли со свистом.

– Ну так его Халява ему другую работу сыщет... – тут Евсей Карпович осознал логическую ошибку. – Нет! Не станет ему Халява работу искать! Она его на непыльное место пристраивать возьмется!

– И что же, так всю жизнь и будет пристраивать? А когда он помрет – она куда денется? Во всемирный центр вернется? – Дениска ставил вопросы правильно, вот только ответов на них пока никто не знал.

– Да пусть бы вместе с ним и околела... – буркнула Матрена Даниловна.

– Помрет? А это мысль... – пробормотал Евсей Карпович. – А что? Очень даже хорошая мысль! Ну-ка, Матрена, рассказывай. Да из-за коробки не вылазь! И подол подбери, его же видно.

– А чего рассказывать, Евсей Карпович?

– Как этот твой дармоед живет, чем занимается, часто ли из дому выходит.

– Да ты что это выдумал? – изумилась Матренушка. – Да ведь коли его до смерти убить – кто отвечать-то будет? Ты ж хозяев под удар ставишь! А у них бизнес!

– Если дармоедов кормить-поить, бизнеса ненадолго станет! – отрубил домовый.

Выяснилось: дармоед Алешка целыми днями сидит дома, врет, что готовится в институт, сам же играет в компьютерные игрушки. Вечером приходит из института Анечка, приезжают родители, и все дружно кидаются его ублажать. Халява же, пока он играет, отсыпается, а как семья в сборе – так и она на боевом посту.

– Вот скотина! – искренне высказался Дениска, имея в виду, очевидно, ровесника, а не посланницу всемирного халявного центра.

– А на улицу выходит? Или так и сидит дома?

– Ой, и не скажу...

Евсей Карпович недовольно фыркнул.

– Ты, дедушка, что-то не то затеял, – тихо сказал Дениска.

– То, то... Мне бы его, подлеца, на улицу выманить.

– Чтобы и Халява за ним увязалась?

– Мне бы хоть на пару минут.

– А тогда?

Домовой почесал в затылке.

– Ты, Денис Андреевич, служебный пистолет без спросу взять можешь?

– Ахти мне! – закричала Матренушка. – Ты что ж это удумал?!

– Взять-то могу.

– А какой у тебя график дежурств на неделю?

Дениска закрыл наконец окно и полез в блокнот.

Евсей Карпович ознакомился с графиком и поинтересовался, уплатил ли Дениска за сотовый, а то будет, как в прошлый раз: техника работает лишь на прием, а самому никуда и не позвонить.

– Дед, если ты с моего телефона ему звонить будешь, он номер засечет, да и вообще этот номер в телефоне навсегда останется, – припугнул Дениска.

Но Евсей Карпович завелся – и в конце концов убедил всю честную компанию следовать своим советам.

* * *

Дармод Алешка носился на виртуальном вертолете под высоченными арками и шмалял из виртуального огнемета по несуществующим врагам. Он как раз пришиб последнего, имея в запасе еще немало зарядов, когда зазвонил телефон. На экране высветился родной номер.

– Лешенька, солнышко, встретить меня, пожалуйста, с остановки! – попросил Анечкин голос. – Я на акции пылесос выиграла, ташу домой, прямо руки отваливаются!

– Какая акция? – заинтересовался дармод.

– Я в магазин за батарейками зашла, а там рекламная акция, каждая покупка участвует в лотерее. Я взяла батареек на тридцать два рубля, а мне пылесос! – объяснила невеста.

На самом деле, конечно, никакая не Анечка, а Матрена Даниловна вызвала Алешку из дома, Якушка же в это время изображал помехи на линии. Крошечный телефончик они еще с утра вытащили из Анечкиной сумки.

Умом понимая, что время от времени в семейной жизни следует совершать подвиги, Алешка вылез из-за компьютера, оделся и пошел встречать невесту. Было уже довольно темно, он спрямил дорогу и между домами направился к автобусной остановке. Тут и услышал тихое «стоять!»

Одновременно между лопаток он ощутил жесткий тычок.

Насмотревшись фильмов, Алешка развернулся, чтобы с разворота выбить рукой оружие у нападающего. И таки выбил – длинную тонкую палку. А пистолет, нацеленный прямо в грудь, как был у незнакомого парня в правой руке, так и остался. И не простой, а с глушителем, от чего сделалось вдвое страшнее.

– Пошли, – спокойным, даже чуть усталым голосом велел парень. – Шаг влево, шаг вправо – стреляю. Заорешь – тем более.

– Да ты чего? Ты меня с кем-то спутал!

– Не ори. Ни с кем я тебя не спутал. Пошел, живо. Снимаю с предохранителя...

Скрежетнуло так громко, что человек, знакомый с оружием не по кино, пожалуй, и удивился бы: что же это за предохранитель такой несмазанный? Но Алешке было не до удивления.

Незнакомый парень, приказав держать руки на затылке, завел его в соседний лесок. Дом, куда при Халявиной помощи внедрился Алешка, был из всех новостроек крайним, так что шагать пришлось недалеко, опять же – территорию городские власти еще толком не привели в порядок, и довольно близко от дома начинался дикий кустарник.

Доставив Алешку к нужному месту, парень показал на продолговатый сверток, похожий на срулоненный ковер.

– Бери на плечо, пошли.

– Что это?

– Не твое дело.

– Труп?!?

– Бери и пошли.

Алешка попытался взвалить сверток на плечо, стоя на корточках, и шлепнулся на задницу. Тут же получил основательный пинок.

– Не придуривайся, – сурово сказал незнакомый парень. – А то сам таким станешь.

Кое-как Алешка взвалил замотанный в тряпки труп на правое плечо.

– А теперь пошли, – распорядился парень.

Они шли долго, очень долго, и примерно через полчала Алешка сообразил, что его с трупом на плече гоняют по кругу.

– Далеко еще? – осведомился он.

– От забора до обеда, – был стандартный ответ.

Алешка, у которого уже ноги подкашивались, встал как вкопанный.

– Послушай! – проникновенно начал он. – Я не могу больше! Я рухну сейчас!

– Пошел. Ну?

Труп, понятное дело, становился все тяжелее.

– Что? Надоело? – спросил парень за спиной.

– А то!

– Повторяй за мной.

– Что? – спросил совсем одуревший Алешка.

– Я работаю, я работаю, я работаю...

И дальше Алешка под диктовку огласил лес таким монологом:

– Я работаю, я работаю, я тружусь, я честно зарабатываю свой ужин, и завтрак, и обед, я работаю, а не ваньку валяю, я работаю и ни у кого на шее не сижу, я работаю, я работаю, мне нравится моя работа, гори, гори, моя звезда!

Это Дениска не вовремя вспомнил классику рока – неувыдаемого и бессмертного Бэ-Ге.

* * *

А в это время за ванной корчилась и брыкалась Халява.

– Ой, не могу, ой, помираю! – скулила она.

– Тише, дура! – Якушка стоял наготове с кляпом и в паузах между воплями излагал Халяве все, что он о ней думал в это нелегкое время.

– Гляди ты, она вроде поменьше сделалась, – заметила Матрена Даниловна.

– Не околела бы... – проворчал Лукьян Пафнутьевич.

В углу, под трубами, барахтался тщательно им спеленутый Акимка.

– А и околет – невелика беда.

– Ой, сил моих нет, помогите! Ой, Лешенька, брось ты эту тяжесть, брось, а то помру ведь!

Тут Халява схлопотала-таки прямо в глотку прочный кляп. Но, кажется, того даже не заметила.

– Куда ее девать? – спросил Якушка.

– Сперва подождем, – распорядился Лукьян Пафнутьевич.

Ждали минут десять. Немые судороги Халявы делались все отчаяннее.

– А ну как из всемирного центра ей на помощь прилетят? – остороженько спросил Якушка.

– Прилетят – пусть сами и вызволяют. Ну-ка, откидывай крышку!

– И точно – уменьшается! Теперь она уже с меня ростом будет! – воскликнула Матрена Даниловна.

– А ты помолчи. Если чего – не видела, не слышала, не знаю.

Якушка уже лез на унитаз – откидывать мягкую крышку, Матренушка, поняв, что в одиночку он этой громадины не осилит, полезла следом, помогать. Потом они сверху спустили веревку, и Лукьян Пафнутьевич надел петлю на талию Халяве.

Якушка забрался на бачок и в нужную минуту всем весом прыгнул на кнопку.

– Ахти мне, веревка! – вскрикнула Матренушка. – Веревку упустили!

– Ну и шут с ней, – проворчал Лукьян Пафнутьевич. – Полезли вниз, чего тут торчать. Закрывай крышку, Якушка. А ты, дура, смотри мне! Проболтаешься подружкам – без косы останешься.

– Это ты мне грозишься? – удивилась Матренушка. – Я же его научила, как Халяву избыть, и он же на меня лается! Слышал, Якушка?

– Слышал, – подтвердил подручный.

– Ты дома своего защитить не умел? Ты от Халявы в петлю лезть собрался? Ты потом, как побитый пес, по углам жался? А теперь осмелел? Грозишься? – Матрена Даниловна уперлась руками в бока. – Хватит!

– Нишкни! – вдруг приказал супруг. – Что-то наши там расшумелись...

Домовые тихонько выбрались из ванной и вдоль стеночки поспешили в гостиную.

– И сколько же он тут будет обитать? А? – спрашивал хозяин у Анечки. – Ест, пьет, посуды за собой не помое! К экзаменам, говоришь, готовится? Я сейчас заглянул, хотел его учебники посмотреть! Это, Анька, не учебники! По ним еще при Хрущеве арифметику проходили!

– Говоришь, на складе пахал как лошадь? Я сегодня на этом складе была – так заодно и про него спросила, – сообщила хозяйка. – Лишний раз пальцем не пошевелил! И не сам ушел – а уволили! За патологическое безделье! Так и в трудовую книжку директор хотел записать – жаль, отговорили!

– Да я же вижу, вижу! И вот, смотрите, что я у него нашла! Я вам говорить не хотела! Все равно – смотрите! – это уже был Анечкин голос.

Матрена Даниловна поняла – сработали крошечные дамские трусики. А может, помада, которой была тщательно вымазана рубашка.

– Опомнились, – удовлетворенно сказал Лукьян Пафнутьевич.

– Проснулись, – добавил Якушка. – Вот теперь заживем!

– Акимку, подлеца, выпорю, – пообещал Лукьян Пафнутьевич. – А тебе за верность будет награда.

– Да я не за награду... – смутился подручный и стал озираться в поисках Матрены Даниловны. Все-таки это она вытащила супруга с антресолей, где он от бессильной злости совсем поселился, она немало потрудилась для избавления от Халявы.

Но не было нигде Матренушки – и сообразительный подручный понял, куда она поспешила.

Но говорить об этом законному супругу не стал. Порядочность – она и у домовых порядочность, другой покамест не придумано.

* * *

Евсей Карпович с нетерпением ждал результатов своей затеи.

Первой прибежала Матренушка – сказала, что дармоедовы вещи уложены в сумку, а сумка выставлена на лестницу. Потом пришел Дениска.

– Посмотреть бы хоть, ради кого старался! – с такими словами он шлепнулся на диван. – Красавица, красавица, а может, я ради какой-то уродины полночи этого дурака по лесу гонял!

– Дураку полезно, – поучительно произнес Евсей Карпович. – Теперь и будет Халяву с небес вымалывать – а второй ему уже не полагается.

– Ты уверен, дедушка?

– Ну... не совсем... Но хотелось бы верить.

– Ничего! Я туда заглядывать буду! Придумаю, как тебя с нашей Анечкой познакомить! – пообещала из стенового шкафа Матренушка. – Ты мне, Дениска, полюбился. А коли кто домовым полюбится – тому будет удача. И не какая-нибудь халявная, а самая настоящая! Евсей Карпович, ступай сюда, держи простынку за края, натягивай!

Она впервые стелила в новом своем жилище настоящую, правильную двуспальную постель.

Рига 2003

Молчок

– На сходку пойду, – сказал домовый дедушка Мартын Фомич. – Слышь, Тришка? Тришка! Куда ты подевался?

И в очередной раз помянул Мартын Фомич внука Трифона ядреным, крепкого засола словом, от какого иному мужику бы и не поздоровилось, однако домовые выносливы, их мало чем проймешь.

Тришка обитал на книжных полках.

Дом был старый, население в нем – почтенное и постоянное. Домовой дедушка Мартын Фомич сперва радовался, глядя, как в хозяйстве прибавляется книг. Ему нравилось, когда глава семейства не шастал вне дома, а сидел чинненько в кабинете, книжки читал, записи делал. Однако настал день, когда, глядя на эти сокровища, Мартын Фомич крепко поскреб в затылке. Они громоздились уже и на полу – не то что на шкафах и подоконниках. Сам он был немолод, за хозяйством досматривать привык, но эти залежи освоить и содержать в порядке уже не мог. Пришлось искать помощника.

Младшая из дочек была отдана замуж в хороший дом, но далеко, так что раз в год, может, и присылала весточку. Мартын Фомич получил от нее словесный привет – живы-де, здоровы, только старшего сына пристраивать пора, он же уродился неудачный, за порядком смотреть не хочет, а все в хозяйских книжках пасется. Мартын Фомич сдуру и обрадовался.

Когда внук Тришка перебрался на новое местожительство, когда увидел кабинет с библиотекой, восторгу не было предела. И действительно – первое время он книжки холил, пыль с них сдувал, норовил деду угодить. Потом же обнаружилось, что неудачное отродье взялось учить английский язык.

– Эмигрировать хочу, – объяснил он. – Чего я тут забыл? Тут мне перспективы нетути!

За непонятные слова Тришка схлопотал крепкий подзатыльник, но не поумнел, а продолжал долбить заморскую речь. До того деда довел – тот полез на самую верхнюю полку смотреть по старому глобусу, где эта самая Америка завалилась. Америка деду не понравилась – была похожа на горбатую бабу-кикимору, туго подпоясанную. А поскольку Мартын Фомич уже непонятно который год вдовел, то все, связанное с бабами, его огорчало безмерно.

Стало быть, и теперь несуразный внучонок сидел, весь в пыли, над заморской грамматикой.

– Тришка, убью! – заорал Мартын Фомич. – Со двора сгоню!

Это уже было серьезной угрозой. Убивать родного внука домовый дедушка не станет – не так уж много их, домовых, и осталось. А со двора согнать – может. Бездомный же и бесхозный домовый хуже подвальной крысы. Но крыса – та хоть всякую дрянь сгрызет и сыта будет, домовому же подавай на стол вкусненько да чистенько. Иди, значит, нанимайся подручным, в ванны иди, в холодильные! А смотреть за порядком в холодильнике – это как? А так – каждый день шарься там, треща зубами от холода! Спецдежды же не полагаются – есть своя шерстка, у которого бурая, у которого рыжеватая, той и довольствуйся.

– Ща, деда, ща! – отозвался из неведомых книжных закоулков Тришка.

Вскоре он стоял перед Мартыном Фомичем, а изумленный дед слова не мог сказать – только шипел от возмущения.

– Ты чего это, ирод, убоище, понаделал?!?

– А чего? Все так делают.

– Так то – люди!

– Ну и что? Им от этого вреда нет.

– Как же тебя эта зараза проняла-то?...

– Откуда я знаю?

Тришка всего-навсего попробовал на своей шкуре красящий шампунь хозяйской дочки. Стал в итоге каким-то тускло-красноватым, но не слишком огорчился – инструкция на флаконе обещала, что оттенок после неоднократного мытья непременно сойдет.

– Да-а... – протянул дед. – Ну, все, лопнуло мое терпение. Пойдешь со мной на сходку. Лучше пусть я в одиночку буду книги обихаживать! А тебя сдам в подручные кому построже! Лучше от пыли чихать, чем тебя, дурака, нянчить! Все! Собирайся! Пошли!

* * *

Сходку назначили на чердаке. От нее многого ожидали – нужно было принять решение по ночному клубу «Марокко».

Клуб не давал спать всему кварталу.

То есть, четыре ночи в неделю были еще так себе – мирные. А в остальные три грохотало, как на войне. Война длилась с одиннадцати вечера до пяти утра. Чтобы такое выносить, совсем нужно было оглохнуть. Люди жаловались, звонили в газеты и на телевидение, но хозяева клуба имели где-то в городской думе, а то и повыше, мохнатую лапу, и прекрасно знали, сколько следует этой лапе отстегнуть, чтобы жить безмятежно. Клуб продолжал греметь и приносить доходы – дискотека в «Марокко» считалась в городе самой крутой.

Домовым же писать и звонить было некуда, они и такого утешения не имели. Но, в отличие от людей, они не были скованы цепями уголовного кодекса. И что бы они против клуба ни предприняли – никакое разбирательство им не угрожало.

Они в тихое время, утром, неоднократно лазили в клуб, но не могли понять – что и как нужно повредить, чтобы вся эта техника раз и навсегда заткнулась. Брели с собой и Тришку – его водили вдоль высоких железных коробок, велели читать надписи на железных же табличках, поскольку его страсть к Америке уже сделалась общеизвестной. Но по названиям трудно было догадаться, в чем суть. Бабы-домовихи пробовали было читать на эти названия наговоры, но ничего не получилось.

Особенно они старались над высокой, выше человеческого роста, алюминиевой пирамидой с обрубленным верхом. Удалось выяснить, что она-то и была той утробой, где рождался невероятный шум. Но пирамиду даже ржа – и то не взяла.

Когда Мартын Фомич с Тришкой, перекинувшись котами, перебежали наискосок через квартал и забрались на чердак, там уже вовсю галдело общество. Председательствовал домовый дедушка Анисим Клавдиевич, но толку было мало – каждый норовил перекричать прочих.

Если кто не знает, почему домовые ведут уединенный образ жизни, не всякий обзаводится семейством, так все очень просто – друг с дружкой они не ладят. То есть, коли безместный домовый прибил к зажиточному хозяйству и пошел в подручные, то домовый дедушка, считая его уже своим, с ним из-за чепухи ссориться не станет. Опять же, когда кому приспичит жениться, то при переговорах тоже стараются обходиться без склоки. Но домовые дедушки даже в двух соседних квартирах всегда сыщут, в чем друг дружку упрекнуть. А тут такое дело – сходка! Про «Марокко» и забыли – каждый вываливал свои обиды, мало беспокоясь, слышат ли его соседи.

Чердак был невелик, захламлен чрезвычайно, но именно поэтому очень даже подходил для сходки. Во-первых, тут не имелось своего хозяина, а во-вторых, каждый домовый дедушка мог выбрать закоулок по вкусу и сидеть там, оставаясь для соседей незримым и лишь подавая голос.

Анисим Клавдиевич постоял на старом чемодане, послушал визг и вопли, да и плюнул.

– Ну вас! – сказал. – Хуже людишек.

И полез с чемодана.

– Стой, куды?! – возмутилось общество. И тогда только стало потише.

Анисим Клавдиевич поставил вопрос жестко: ежели кто помнит дедовское средство для наведения тишины, пусть выскажется, потому как впору уже мхом уши конопатить.

– Заговор читать надо! – выкрикнул Евкарпий Трофимович, самый буйный из соседей, умудрившийся своими проказами выжить из квартиры три подряд семейства. Первое завело собаку не в масть – он хотел вороную с подпалиными, ему же привели белую болонку. Второе не понимало намеков – домовому, чай, угощение ставить полагается, а хозяйка жмотничала. Третье затеяло затяжной ремонт, а у Евкарпия Трофимовича обнаружился канонадный чих на все эти краски с растворителями.

– А ты его знаешь, заговор? – осведомился целый хор.

– Узнать-то можно! Только он должен быть кладбищенский!

– Тьфу на тебя! – махнул лапой Анисим Клавдиевич, а самый молодой и малограмотный из домовых дедушек, недавно женившийся Никифор Авдеевич завопил:

– Это как?!?

– А так – как-де покойник молчит, так и вы-де молчали бы, ну, и прочие слова с действиями, – объяснил Евкарпий Трофимович. – Кладбищенской землицей с семи гробов порог посыпать, ну, еще чего натворить!

– Порог и обмести нетрудно, – вставил свое слово Мартын Фомич. – А коли мастера найдут и обратку сделают? Тому, кто землицу сыпал, мало не покажется. Тут железки ихние повредить нужно раз и навсегда!

– А ты в железках разбираешься? Знаешь, чего вредить, чтобы раз и навсегда? Мы повредим – а они починят! – возразило общество.

И таким макаром препирались довольно долго. Наконец устали вопить, и вдруг наступила тишина.

В этой тишине из большой винной бутылки, пыльный бок которой треснул и выпал большим треугольным куском, раздался голос совсем уж древнего домового дедушки Феодула Мардарьевича.

– Молчок нужен.

– Кто нужен? – спросил Анисим Клавдиевич.

– Молчок.

– Это кто еще?

– Кабы я ведал! Может, вовсе не «кто», а «что»... – старичок развел крепко тронутыми сединой лапками.

– И я про то слыхал! – подал голос Мартын Фомич. – Молчка подсаживают, чтобы тихо было. Роток на замок – и молчок!

– Подсаживают – значит, живой, что ли? – шепотом осведомился внук.

– Или подкладывают, я почему знаю! Раньше вон умели, теперь уже не умеют.

Общество заспорило. Выяснилось, что это явление многим известно, способ доподлинно дедовский, но приглашают ли Молчка на новое местожительство, как принято приглашать домовых, приносят ли в лукошке, или молчок вообще – вроде камня с дыркой, который принято вешать в курятнике, никто рассказать не смог.

– От корней оторвались и засыхаем! – подытожил Анисим Клавдиевич. – Как в город перебрались, так и засыхать стали. Знания-то не нужны были – вот и выдохлись. А как потребовались – так в башке и пусто!

– Так чего же думать-то? Нужно снарядить гонца к деревенским домовым! – предложил Мартын Фомич. – Пусть подскажут, как быть!

– Ты, что ли, на деревню побежишь? – встрял склочник Евкарпий Трофимович. – Ты, поди, и не знаешь, в какой она стороне, деревня!

– Ти-ха! – пресек ссору в самом зародыше Анисим Клавдиевич. – Деревня – она со всех сторон. Если по любой улице идти все прямо да прямо – рано или поздно выберешься из города. А там уж и она!

Общество загалдело. Вот как раз тут председатель оказался неправ. Потому что в одну сторону идти – будет долгий лес, а в другую – свекольные поля величиной с какую-нибудь Голландию или Бельгию.

Мартын Фомич толкнул Тришку, чтобы спросить, что это за края такие, ближе или дальше Америки. Но внук понял вопрос без слов.

– Это еще Европа, – шепнул он. – Я тебе потом на глобусе покажу.

Дед несколько обиделся – он хотел, чтобы растолковали на словах и немедленно. Хотя вряд ли нашелся бы такой знаток географии, чтобы растолковать на словах мало что понимающему за пределами своего жилья домовому дедушке, что еще за Бельгия такая.

– Никифор Авдеевич, тебе жену на окраине сосватали, ты сам ее перевозил, – сказал Анисим Клавдиевич. – Далеко ли оттуда до деревни?

– Там уже огороды начинаются, а есть ли за ними деревня – того не знаю, – честно отвечал молодожен. – А слышал, хозяева говорили, что когда по грибы в лес ездили, то за лесом на шоссе, у заправки, бабы с лукошками сидели, торговали, которая картошкой, которая яблоками, иные – грибами. Значит, где-то и деревня неподалеку.

– За долгим лесом? – переспросил председатель. – Ну, братцы, припоминайте, не осталось ли у кого там родни.

– Какая уж родня... – вздохнул чей-то хриловатый басок.

И общество призадумалось.

– Стало быть, наугад пошлем гонца? – полюбопытствовал склочник Евкарпий Трофимович. Ему, видать, до смерти хотелось побаловаться с кладбищенской землицей.

– Наугад! – рявкнул председатель. – Выберем кого помоложе – и снарядим!

– У меня жена! – завопил Никифор Авдеевич. – Семейных гонцами не шлют!

– И помоложе тебя имеются... – Анисим Клавдиевич, смешно шевеля широкими ноздрями, повернулся прямехонько туда, где меж увязанными стопками старых журналов примостились Мартын Фомич и Тришка. – Мартын Фомич, давай-ка, яви обществу подручного!

– Нет у меня подручного, нет более! Со двора согнал! – заталкивая Тришку поглубже в щель, возразил дед.

– Да вон же он, я чую! Чего ты врешь?!

Делать нечего – Тришку вывели на всеобщее обозрение.

– Крепок, – одобрило общество. – Дойдет!

– Молчок нам всем нужен, без него хоть узлы увязывай да из дому беги, – сказал председатель. – Доставишь – наградим. В хорошую квартиру домовым дедушкой внедрим. Будешь с нами на равных.

Тришка только голову повесил – вот те и Америка...

– Припасов в дорогу соберем, слышите, братцы? Чтоб скряжничать не могли! – прикрикнул Анисим Клавдиевич. Чего греха таить – домовые дедушки скуповаты и прижимисты, это у них от избыточного усердия идет.

– Анисим Клавдиевич, он бы ежа моего прихватил, что ли? – проскрипел Феодул Мардарьевич. – Сил моих не стало!..

– Какого еще ежа?!

Старенький домовый дедушка являлся в обществе редко, все больше дремал и отмалчивался, соседи даже полагали, что совсем хозяйство запустил. И надо же – еж у него завелся!

Оказалось – хозяева дурака валяют. Притащили скотинку из лесу, решили – пусть будет вместо кошки. А ежу в спячку укладываться пора. Дома тепло, он никак не поймет, чего делать, то под ванной в тряпках заляжет, то опять вылезет. Так надо бы отогнать бедолагу в

лес, чтобы устроил себе логово по всем законам природы. Тем более, что идти гонцу – как раз лесной дорогой, вот бы и доброе дело заодно сотворил. . .

– Вот не было печали! – воскликнул Мартын Фомич. – Мы так не договаривались! Гонцом на деревню – это одно дело, а ежей гонять – совсем другое!

Евкарпий Трофимович обрадовался скандалу – и понеслось!

Тришка только уши поджал и головой вертел – надо же, сколько из-за него шуму, куда там ночному клубу до сходки домовых!

Деду не удалось отстоять внука. Общество приговорило: идти бы Тришке гонцом, прихватив с собой ежа, и без Молчка не возвращаться.

В ту же ночь он и отправился.

Провизии ему собрали – недели на три, Тришка даже крякнул, как мешок на спину взгромоздили. Часть ее предназначалась на представительские цели – чтобы тем, кому вопросы придется задавать, были городские гостинцы. Вручили лоскуток бумаги с адресом – чтоб на обратном пути не заблудился. Выдали также хворостинку – ежа подгонять. Вывели на улицу, туда же Феодул Мардарьевич с помощью соседей доставил заспанного и совсем бестолкового ежа. Еж щетинился и все норовил свернуться клубком.

– Ступай, чадо! – торжественно послал Мартын Фомич, указывая направление. – Ступай, ступай, авось в дороге поумнеешь! Американец!

Тришка подхлестнул ежа и зашагал вдоль кирпичной стены магазина.

И ни разу не обернулся.

* * *

Город был по человеческим понятиям невелик, но Тишка не сразу выбрался на окраину, а должен был устроить дневку в каком-то подвале. Возник у него соблазн оставить там ежа – не все ли равно, где скотинке зимовать? Сбыли с рук – и ладно. Однако не удалось. Не успел Тришка на цыпочках отойти от сонной зверюги на сотню шагов, как был ухвачен за шиворот.

– Мне подкидышей не надобно! Своей скотины хватает!

Тришка сплюнул. В ином квартале вообще ни домового, ни дворового, ни какого иного жителя, а тут в первую дыру сунулся и на подвального напоролся! Хорошо еще, не сразу его подвальный заметил, а только на выходе.

– Да ладно тебе, ладно! – заверещал Тришка. – Заберу, только пусти!

Подвальный, судя по железной хватке лап – из бывших оvinников, привычных ворочать мешки с зерном, встряхнул Тришку и отбросил в сторону.

Надо полагать, он шел на запах и на звук, а глазами незваного гостя увидел, только когда тот гость, выронив мешок, приложился к стене и сполз на пол.

– Ого! – сказал подвальный. – Кто ж ты таков? Я и не разберу!

– Из домовых мы, – трясся башкой, чтобы выгнать из нее гул, отвечал Тришка.

– А мастью в кого уродился?!

– Да смою я эту масть, она у меня временная!

– Скрываешься от кого, что ли? – тут подвальный поскреб лапой в затылке, осознавая ситуацию. – Ежа угнал, что ли?

– Да на кой он мне? . . . – Тришка вздохнул. – Хочешь – забирай его насовсем. Или подари кому. Ежи мастера мышей ловить, когда не спят.

– Нет, ежа не надобно. Куда же ты, домовый, собрался?

– В лес его, дурака, отогнать велели.

– Кто велел?

– Да старшие.

– А потом?

– Потом – еще дельце есть.

– А потом?

– А потом – домой. Коли жив останусь.

– С ежом я тебе пособлю. У нас тут автомобильный служит, я с ним уговорюсь. А ты оставайся. Подкормим тебя, а то, гляжу, совсем хилый.

Тришка хотел было возразить, что общество назвало его крепким и для трудного пути пригодным, но посмотрел на подвального и понял, что возражать тому следует как можно реже.

– А что за автомобильный? – спросил он, чтобы поддержать беседу.

В доме, где служил Мартын Фомич, жило немало владельцев личного транспорта. Это были мужчины серьезные, и свои машины так лелеяли, что куда там домовому! Поэтому и не приходило никому в голову нанимать особую службу для транспорта. Однако в богатом хозяйстве могли держать автомобильного просто чтобы выделиться и заставить о себе говорить.

– На третьем этаже у нас Панкратий Дорофеевич служит. Там богато живут, и домовиха есть, и подручных четверо, хозяин рес-то-ран держит. А рес-то-рану постоянно провизия требуется. Вот у них хозяйская машина есть, хозяйкина, сыну купили, а еще колымага – картошку с капустой возить. Там задние сиденья сняли, много чего загрузить можно. И она, колымага, оттого грязная, да еще вечно какую картофелину забудут, или луковицу, или еще чего, вонь потом стоит. Панкратий Дорофеевич подумал и взял безместного Никишку в автомобильные. Так вот – хозяин на деревне с кем-то уговорился и туда за провизией раза два-три в неделю непременно сам съездит, отберет самое лучшее, никому более не доверяет. Можно твоего ежа в багажник загнать, а потом Никишка его втихомолку выгонит. А на деревне еж сам сообразит, куда деваться.

– И то верно, – согласился Тришка. – Не знаю, как тебя и благодарить, дяденька, прости – имени-отчества не ведаю.

Он радости, что удалось без лишних хлопот избавиться от ежа, он пустился в стародавние любезности, до сих пор принятые у пожилого поколения домовых.

– Я батька Досифей.

– А по отчеству?

– И так сойдет.

Тришка побоялся даже плечиками пожать. Батька Досифей, при всем при том, что заговорил ласково, вид имел грозный. Одна густая и жесткая волосня чего стоила.

– Стало быть, спешить тебе некуда, – решил подвальный. – Я до Панкратия Дорофеевича дойду, потолкуем. Может, даже прямо завтра ежа твоего отправим. А ты жди меня тут. Вернусь – ужином тебя покормлю, на ночлег устрою.

И пошлепал прочь.

* * *

Молчок может и подождать немного – так решил Тришка, когда батька Досифей привел его в свои хоромы.

Подвал был поделен на клетушки, где жильцы раньше хранили дрова, а теперь – всякую дребедень. В одной подвальный нашел ящик с детскими игрушками, совсем древними, и там оказалась мебель – кровать, шкаф, стол со стульями, да все – не на тощих теперешних кукол, а на старинных, основательных. Все было покрыто чистыми лоскутками, на столе стояли плешечки с едой, Тришка еще мешок развязал – прямо хоть пир устраивай!

Пока разложили припасы – появился и Панкратий Дорофеевич с домовою бабушкой.

– А что? – сказал он, хлопывая Тришку по спине и по плечам. – Малый справный. Такому не помочь – грех. Никишка завтра в дорогу спозаранку отправляется, я ему велел ежа в багажник загнать.

– Я помогу! – вызвался Тришка. – Багажник высоко открывается, ежу придется досточку положить, иначе не залезет, да как бы еще с нее не свалился.

– Сам справится, – отрубил Панкратий Дорофеевич.

Тришка понял – завидовать бедному Никишке не приходится.

Матерый домовый меж тем продолжал его изучать.

– Ты из которых будешь? – спросил наконец.

Тришка растерялся. Конечно же, батя учил его отвечать на этот вопрос, да только задали его впервые в жизни. До сих пор Тришка встречался только с теми, кто и без вопросов знал всю его родню.

– Я из Новых Рудков, – сказал он, имея в виду городской район, где родился.

– Выходит, и Старые есть? – удивился Панкратий Дорофеевич. – Нет, ты мне про род. Кто батя, кто дед, кто прадед. Когда пришли, чем занимаются.

– Батя, Орентий Фирсович, в Новых Рудках домовым в девятиэтажке, мамка при нем. Дед – Мартын Фомич...

– Дед – Фирс, а по отчеству? – перебила его супруга, Акулина Христофоровна, весьма почтенная домовая бабушка.

Тришка смутился – дед Фирс, женив сына, перебрался куда-то на покой, так что внук его почитай что и не знал.

– Да ладно тебе, – вмешался батька Досифей. – Видно же – из домовых.

– Не встрей! Нам род хороший надобен! Чтобы старших много! – прикрикнул на него Панкратий Дорофеевич. – А Мартын Фомич – кто?

– Мамкин батя. Я при нем подручным.

– Где служит? – не унималась домовиха.

Тришка, как умел, описал квартал в центре города.

– Место приличное, – согласился Панкратий Дорофеевич. – Теперь про соседей давай.

Тришка умаялся языком молотить. Когда добрался до старенького Феодула Мардарьевича, собеседник обрадовался:

– Этого я знаю! Этот – наш! Почтенный! А ты, стало быть, Трифон Орентьевич?

– Так я ж еще не женатый! – удивился Тришка. И точно – молод он был, чтобы зваться по имени с отчеством, не заматерел. Хотя многие безместные молодые домовые сами себя с отчеством величают, и ничего.

– Ешь давай, Трифон Орентьевич, – велел дядька Досифей.

Тришка, обрадовавшись, что можно помолчать, и занялся делом.

Поужинали, проводили гостей, и тогда батька Досифей указал Тришке место для ночлега.

После дневки сон не шел. Тришка ворочался, улаживался то так, то сяк, и все ему было плохо. Вдруг он услышал осторожный голосок.

– Эй! Как там тебя! Спишь, что ли?

– Не-е, не сплю, – шепотом отвечал Тришка, потому как в двух шагах похрапывал на постели грозный дядька Досифей.

– Иди сюда живо...

– Ты кто?

– Никита я, автомобильный... Давай живее!..

Первое, что пришло на ум, – автомобильный не может управиться с ежом. И то – поди заставь такую здоровую скотину подняться наверх по тонкой и узкой досточке.

Тришка на цыпочках покинул уютное жилье подвального.

Никита ждал за углом.

– За мной! – приказал он. И повел вон из подвала, на двор, где стояла вверенная его попечению колымага.

Еж действительно торчал у приоткрытого багажника, вот только ни досточки, ни чего иного Тришка не заметил – а ведь зрение у домовых острое, они впотьмах видят не хуже, чем днем.

– Ты, дурень, гляжу, никак не поймешь, во что вляпался, – хмуро сказал автомобильный. – Бежать тебе нужно отседова! Бежать без оглядки. Пока не оженели!

* * *

Домовой не сам придумывает, что жениться пора, а за него это старшие решают.

Коли видят, что не ленив, хозяйством занимается в охотку, в меру строг, в меру ласков, дурью башки ни себе, ни соседям не забивает – то и начинают невесту присматривать.

Невест мало. За хорошей через весь город сватов посылают. Так вот отец Тришкин женился – потом ночей пять приданое перетаскивали. И вот Никифор Авдеевич аж на окраину жениться ездил. Тришку как раз к деду переселили, и он свадьбу видел, потом помогал приданое таскать. Позавидовал, но в меру. Он уже тогда решил, что всеми правдами и неправдами доберется до Америки. А там уж невеста найдется!

Про свой умысел он только одному холодильному Ермилу и рассказал. Ермил в целом одобрил – он и сам, притерпевшись к холоду, хотел уйти в рефрижераторные, чтобы уехать отсюда подальше. Но внес поправку.

– Жену лучше везти с собой. Там еще неизвестно, сыщешь или нет, а так – она всегда под боком. И семейного везде лучше примут. Видят – домовый основательный, на хорошее место определяют.

Проповедовать о пользе жены Ермил мог долго – а толку что? Все равно дед Мартын Фомич о внуковой семейной жизни и слышать бы не пожелал...

Поэтому Тришка, услышав странное Никишкино сообщение, первым делом обрадовался.

– Вот и ладно! – воскликнул он. – Я-то не против, была бы невеста согласна.

– Да ты ее хоть раз видел?

– А что, нужно?

Тришкина мать суженого только за свадебным столом увидела – и ничего, живут дружно. Ей перед свадьбой нарочно посланные родственники донесли, каково у него хозяйство, как содержит, сколько добра и припасов. Она еще покапризничала – кровать хотела с мягкой перинкой, да еще дома к черносливу пристрастилась – так чтобы на новом месте запас чернослива ее ожидал. Сделали по ее слову – она и пошла замуж довольная.

Тришкиному отцу тоже хватило того, что про невесту рассказали. Хозяйственная, не крикливая, и роспись приданого длинная, пока сваха наизусть выпалила – взмокла. Он только желал, чтобы супруга была в масть, чуть с рыжинкой. Ну так на то есть порошок из травы, хной называется. Была ему к свадьбе эта самая рыжинка! Ну а потом как-то обтерпелся и с естественной супругиной мастью.

– Ох, ну ты и дурень...

Тришка застыл с разинутым ртом.

– А чего на нее смотреть? – неуверенно сказал, когда очухался. – Домовиха – она домовиха и есть... Мой батя женился не глядя – так что же, и он – дурень?

– Он на твоей мамке женился, а ты на ком собрался?

Никишкина логика заставила Тришку вдругорядь разинуть рот. Автомобильный вроде и был прав – но на ум не брело, как же ему, поганцу, возразить?

– Так домовиха же... – другого довода у Тришки не нашлось.

– Домовиха! Как же! Во-первых, не домовиха, а подвальная. Батьки Досифея дочка. Во-вторых, девка она порченная.

– Это как?

– А так. Гуляет. Вот ты у батьки Досифея ночевать укладывался – она дома была?

– Не было, – согласился Тришка.

– Только к утру заявится, – авторитетно заявил автомобильный. – И, думаешь, трезвая?

– Кто, домовиха – нетрезвая? – это в Тришкиной башке никак не совмещалось.

– Подвальная! И курит к тому же. Ее тут все уже знают, ей жениха не найти. Свахи этот подвал за три версты обходят. Даже если какая дурочка придет принюхаться – соседи ее просят. А тут ты заявился! Вот он я – берите меня голыми руками! Конечно, батька Досифей и не чаёт, как за тебя свое сокровище сбыть. И Панкратий Дорощеевич ему помогать собрался. Они сообразили, что ты хорошего рода, только простоват, вот и взяли за работу!

– Так что же теперь? – спросил потрясенный таким предательством Тришка.

– А что пожелаешь! Хочешь – возвращайся к Досифею, жди, пока суженая с гулянок прибредет. Но я бы на твоём месте...

Тут автомобильный прислушался.

– Замок лязгнул! – сообщил он. – А у нас еж еще не усажен! Живо!

Они вдвоем подтащили дощечку, установили ее краем на входе в багажник и погнали ежа вверх. Он идти не захотел, а свернулся клубком – хоть кати его, подлеца!

– Хозяин по лестнице спускается... – тыча в ежа палкой, шептал Никишка. – Ну, пропали мы! Заболтались!

Тришка взбежал по досточке и изучил внутренность соединенного с салоном багажника. Кроме пустых ящичков, увидел он еще несколько прочных мешков, в том числе один небольшой. Схватив его и выбросив, сам выпрыгнул следом.

– Ты чего? – удивился Никишка.

– Я мешок придержу, а ты его туда закатывай!

Пользуясь длинной щепкой как рычагом, Никишка закатил колючий шар в развестое чрево мешка, и тут же Тришка захлестнул его веревкой. Потом они подтащили мешок к досточке, забрались повыше и поволокли его вверх. Еж сопел, пыхтел и фырчал, но воспротивиться не мог.

– Ахти, а у меня и не подметено! – тихонько восклицал Никишка. – И луковой шелухи гора! Ахти мне, зазевался!

Когда хозяин, зевая, подошел к машине и отворил дверцу, все было готово – и даже мешок развязан, чтобы еж, покочевряжившись, вылез и ехал с удобствами.

– Он всегда спозаранку выезжает, а к обеду уже обратно с грузом, – шепотом объяснял автомобильный Тришке. – Там и теплица есть, он помидоры берет. Знаешь, какие помидоры? Ни в магазине, ни на рынке таких нет! Всякие заморские сорта, они уже и на помидоры не похожи. Их в ресторане за большие деньги подают. И картошка разных сортов. «Адрета» – она для картофельного пюре хороша, а на драники эту, как ее, нужно... Тыфу, забыл. И морковка желтая! Красная – она в салаты, а желтая – в плов, вот. А как выбирает! Пятнышко – с мушиный глаз, а он его видит и тотчас морковину бракует!

Машина двинулась.

– Ох ты! А как же я?! – Тришка метнулся к дверце.

– Прыгай, прыгай! – посоветовал Никишка. – Как раз и суженая, того гляди, заявится! Опохмелять свою гулену будешь!

– Да не женят же меня против воли! – возопил Тришка.

– Тихо ты! Не женят, думаешь? Еще как женят! В тычки жениться поведут! Батька Досифей – он такой.

Хозяин слышал возню в багажнике, но о том, что Панкратий Дорощеевич нанял автомобильного, не знал, а полагал, что там поселилась мышь. И очень даже просто – когда берут картошку из буртов, вместе с ней можно и целое мышиное семейство прихватить.

Машина выехала со двора, завернула за угол и по пустой утренней улице резво понеслась к окраине – туда, где улица перерастала в междугородное шоссе.

Прыгать было поздно...

* * *

Полтора часа спустя Никишка сообщил, что уже немного осталось. И точно – машина, сойдя с шоссе, протряслась по большаку, еще куда-то свернула и остановилась посреди большого двора, где порядок, возможно, был, но для городского взгляда какой-то непонятный.

Хозяин вылез и пошел в дом. По дороге он успел позвонить по сотовому, сказал, что подъезжает, и его уже ждали с горячим чаем.

– Первым делом ежа выгоняем, – распорядился автомобильный. – Еще диво, что не обгадился.

Еж от дороги совсем обалдел, опять свернулся и признаков жизни не подавал.

– Ну, сверху вниз-то полегче будет, чем снизу вверх, – заметил Тришка. – Отворяй багажник.

Но тут-то он и дал маху.

Вредный еж забрался в щель между ящиками, и никакими щепками невозможно было его оттуда выковырять.

– Ну, не скотина ли? – пожаловался автомобильный.

– Скотина, – согласился Тришка. – Знаешь, что он у Феодула Мардарьевича учудил? Хозяйские носки воровать повадился. Люди разуваются на ночь, носки же никто не прячет. А он на шубу их наколет – и под ванну, гнездо вить.

– Умный, – неожиданно одобрил шкодника Никишка.

– Умный – а Феодулу Мардарьевичу какво? Ему и так за порядком уследить трудно, а тут еще этот вредитель!

– Шел бы на пенсию, – заметил автомобильный.

– На пенсии теперь долго не протянешь. Раньше всем миром за стариками смотрели, теперь каждый в одиночку выкарабкивается. Хорошо, если у кого дети. А если нет? Вот в Америке – другое дело...

Никишка посмотрел на Тришку с большим подозрением.

– Ты там был, что ли?

– Не был, а по телевизору видел. Там богато живут! У каждого свой дом, в доме по восемь комнат, по десять! Значит, команда домовых нужна! Значит, домовые в почете и тоже живут богато! Вот ты тут – автомобильный, на гнилой картошке спишь, а там будешь домовым дедушкой. Поехали вместе, а? Я уж английский язык учить начал!

Ответить автомобильный не успел – из кустов раздался тихий свист, который подействовал на ежа как будильник. Зверь вскочил на ноги, которые тому, кто с ежами незнаком, могут выпрямленные показаться непропорционально длинными, и поспешил из багажника прочь. На самом краю остановился – но свист раздасля снова, да такой требовательный! И еж, соскочив вниз, понесся к кустам. Там и пропал.

– Ахти мне! – воскликнул Никишка. – Это же хозяин здешний! Ну, доигрались!

И полез за ящики.

– Ты куда? – изумился Тришка.

– Лезь за мной, дурак! Может, отсидимся! А то так отбиваться будем! У-у, деревня сиволапая!

Действительно, в кустах показался некто сивый и тут же сгинул.

– Америка, Америка! – передразнил Тришку автомобильный. – Тут тебе сейчас такое кино будет – хуже всякой Америки!

– Да чего ты с ними не поделил? – совсем растерялся Тришка, послушно втискиваясь в какие-то занозистые щели.

– А ничего я с ними не делил! Просто мы – городские, они – деревенские! Вот они нас и не любят. В ящик лезь... вот сюда... и бумагой накройся...

– Они что же – на приступ пойдут?

– Чш-ш-ш!

– Так ты мне хоть палку, что ли, дай...

– Палку ему!.. Их и дрыном не проймешь!..

Но не деревенские жители пошли штурмовать багажник – из дому вышел хозяин автомобильного с другим хозяином – тем, что продавал ему овощи.

Как выяснилось, это дело было у них отработано. Товар уже ждал покупателя в ящиках – оставалось только убедиться в качестве. Мужчины повыставили на жухлую осеннюю траву пустые ящики из машины, загрузили ее полными, попрощались, и хозяин автомобильного уехал.

Тришка же, сжавшись в комочек, трепетал и прислушивался. Ящики колыхались и гремели. Когда же шум и движение прекратились, он выглянул в щель и ахнул.

Овощевод отнес пустые ящики под навес и составил их многоэтажной стенкой. И таково было Тришкино везенье, что он окачался на самом верхнем этаже.

– Никиша! Автомобильный! – позвал Тришка.

Никто не откликнулся. И даже когда стало понятно, что автомобильный ухитрился остаться в машине, Тришка звал еще некоторое время. А потом замолчал и крепко затосковал...

Все его имущество осталось в подвале. Ни крошки продовольствия он не имел. Правда, судьба избавила его от ежа. Но ничего хорошего взамен не дала. Тришка даже не представлял, куда его завезли и в какой стороне город.

Одно он знал твердо – уж английский-то язык тут точно не понадобится...

* * *

Голод, страх и одиночество – горести, плохо переносимые домовыми. Настоящего голода они, кстати, и не знают – всегда сыщут, чего бы пожевать. Бояться же не привыкли – наоборот, это их всегда побаиваются. С одиночеством вообще забавно – домовый считает себя выше неразумного хозяина, однако хозяин с семейством его, домового, забавляют, и, живя в доме, принимая участие в деятельности человеческого семейства, он даже не задумывается о нехватке собеседников своего роду-племени.

Тришка целый день просидел голодный и одинокий. Страх в конце концов не стало – скорее всего. местные домовые даже и не знали, что вместе с автомобильным приезжал еще кто-то. А если и слушали шум, поднятый вокруг ежа, то решили, что горожане как приехали вдвоем, так и уехали. Правда, до таких умных вещей Тришка досоображался не сразу.

В конце концов он осторожно слез с ящиков и пошел вдоль стенки, натываясь на неизвестные и совсем ему непонятные вещи. Он был городским домовым уже в четвертом, чтоб не соврать, поколении, и отродясь не видывал простых граблей.

Хозяйство у овощевода было просторное, за навесом была теплица, за теплицей стоял длинный сарай с огромными воротами, туда Тришка и шмыгнул на всякий случай.

Он увидел каких-то железных уродов, вовсе не похожих на известные ему автомобили. Обходя один, на высоченных колесах, он обнаружил у стенки кое-что знакомое. Хозяева называли это «иномарка». Нарядная желтенькая иномарка была словно со зла запихана между грязнобокими чудищами. Тришка подошел поближе – и тут в него угодил камушек, пущенный чьей-то меткой лапой. Ойкнув, Тришка шлепнулся на задницу и потрогал бедро. Тут же про-

летел другой камушек, но на сей раз незримый враг промахнулся. Поняв, что подлец спрятался за колесом иномарки, Тришка кинулся прочь. За порогом сарая он споткнулся, шлепнулся и тут же услышал человеческие шаги. Перекинувшись на всякий случай котом, он сел ждать – не прозвучат ли какие-нибудь умные слова.

Слова прозвучали.

– Ну и долго Сашка собирается держать тут эту дрянь? – спросил женский голос. – Из-за нее не повернуться! Значит, его драндулет под крышей, а ты свой под открытым небом ставь? Что, и зимой тоже так будет?

– Не под небом, а под навесом, – отвечал мужской голос. – Дурак я был, что тебя послушался. Гараж нужно было весной ставить, нормальный, с ямой, а ты – семена, семена, органика, торф! И много дала твоя теплица?

– Моя теплица нас всю зиму кормить будет, – возразила женщина. – И органика у нас не купленная. А Сашке я сама позвоню. Смотреть же надо, что покупаешь! За цвет он, что ли, этого кабысдоха взял? Сколько он на этой тачке наездил? Два километра? Полтора?

– Перестань, не надо звонить. Он мне обещал, что продаст машину на детали. Уже почти нашел покупателя. Приедет и заберет.

– Вечно ты его выгораживаешь!

Мужчина и женщина пересекла двор и вошла в хлев, голоса тут же как отрубил.

Тришка не то чтобы разбирался в машинах – скорее, он разбирался в Америке. Он знал, что там можно всю жизнь прожить без паспорта – были бы автоводительские права. Кроме того, хозяин имел то, что вся семья называла тачкой. Тришка видел тачку из окна, но слова «зажигание», «сцепление» и «карбюратор» оставались для него пустыми, он только знал, что они имеют склонность барахлить, капризничать и даже издыхать, отчего предположил как-то, что в автомобиле, как и в доме, есть свое население. Но Ермил, который готовил себя в рефрижераторные, его разубедил.

И вот теперь возникло подозрение, что Ермил – не такой всезнайка, каким хотел казаться перед Тришкой. Но кто там швырялся камнями, карбюратор или иной деятель, Тришка догадаться не мог.

На всякий случай он выскочил из сарая.

Если хозяйева ходят по двору, возможно, в доме никого нет – так он подумал, потому что очень хотелось есть. Конечно, тут городских не любят – но удалось бы хоть сухую корочку стянуть, и то ладно! А потом выйти на дорогу и попытаться понять, в какой стороне город.

Тришка крадучись добрался до порога, где и был подхвачен за шиворот чьей-то не в меру сильной лапой.

– Куда?! – прогремел бас.

Вспомнив, как автомобильный боялся нападения, Тришка забился и тихонько завизжал.

– Кто таков?! Чего по чужим дворам слоняешься?

– Й-и!.. Й-и-й-а-а... – собрался было отвечать Тришка, но тут порог перед глазами поехал.

Тришку несли, не позволяя ему коснуться подошвами земли, и донесли до черной дырки, и сунули в эту дырку, так что он наконец ощутил твердое и невольно пробежал несколько шагов по довольно широкому лазу. Тут же наступил полный мрак – тот, кто Тришку сюда закинул, загородил собой дыру.

– Ну?! Будешь ты говорить, вражина?!

– Ай! – вскрикнул Тришка, споткнувшись о большой железный болт.

– Ай, а дальше?

– Ай, – ощутив некое озарение повторил Тришка. – Ай эм. Эм ай. Гуд мониторинг, сэр.

– А ни хрена ж себе! – изумился косматый громила, что растопырился в дырке. – Это по-каковски?

– Хэллоу, – ответил ему Тришка. – Хау ду ю ду?
И на всякий случай добавил «сэр».
Мудрая мысль заполнила собой всю голову: пока говоришь по-английски, бить не будут.

* * *

Городские домовые произошли от деревенских, это всем известно. А вот причин, по которым они плохо ладят с родней, может быть несколько. Допустим, нос задрали. Или своим налаженным бытом зависть вызвали. Или еще что-то этакое произошло, о чем все уже давно позабыли.

Если бы они встречались более регулярно, что ли, то вражда бы обозначилась не только как тягостное чувство, но и словесно, прозвучали обвинения, тогда и разбираться было бы легче. Но беда в том, что они почти не встречаются – кто где поселился, тот там и обитает, иной домовый из своего дома за сто лет шагу не ступит. И деревенский кузен для него столь же реален, сколь пришельцы из космоса, которых он, затаясь в углу, смотрит по хозяйскому телевизору.

Таким вот образом Тришка знал изначально, что деревенские его заранее недолюбливают. И то, что старшие послали за Молчком наугад, на том основании, что молод и сложением крепок, ему сразу не понравилось. Но общество приговорило – изволь подчиняться.

Доподчинялся! Полетят сейчас клочки по закоулочкам...

Будь при нем мешок с продовольствием – мог бы поклониться городскими лакомствами, ублажить, расположить к себе. Но мешок-то – в подвале у батки Досифея, а Тришка-то – здесь!

А где – здесь, и понять невозможно. Нора какая-то, ведет под дом, если все отступить да отступить – неизвестно, куда провалишься. Но как посмотришь на громилу, который, стоя вполоборота, отдает распоряжения незримым подчиненным, так ноги сами перебирать принимают, унося от злодея подальше.

А злодей меж тем собирал против Тришки многочисленное войско. Были там Пров Иакинфович, Ефимий Тихонович, Игнашка, Никодимка, Маркушка, Тимошка и еще баба Анисья Гордеевна. Громила, надо думать, был здешний домовый дедушка, а прочие – кто дворовым, кто сарайным, кто – овинником (об овинах Тришка имел темное понятие, но слыхивал, что овинники мощны и мускулисты), кто – хлевником, кто – запечником.

Совсем бы погиб Тришка в этой норе, но за спиной услышал фыркanye и тихое сопенье. Его обнюхивали!

Повернувшись, Тришка увидел огромную кошачью рожу.

Нора, куда его запихнули, была всего-навсего кошачьим лазом в погреб, вещь очень удобная, потому что кошка в деревне отнюдь не диванное украшение, а труженица, и разлеживаться в тепле ей не позволят: попила молочка, да и ступай-ка, матушка, мышей ловить.

Нельзя сказать, что Тришка так уж боялся кошек. Он сам при нужде перекидывался крепеньким дымчатым котиком, как дед выучил, но близкого знакомства с этими животными не имел. Хозяйева четвероногих тварей не жаловали, так что Тришка их лишь издали видел. Но знал, с домовым дедушкой своего дома кошка ладит, если, конечно, ее выбирали дедушке под масть, а чужого может и когтями зацепить.

С отчаянным воплем Тришка помчался, пригибаясь, по норе, боднул громилу башкой в живот и вылетел во двор. Далее понесся, не разбирая дороги, а громила, ругаясь на чем свет стоит, – за ним.

– Сюда! – услышал Тришка. – Ну?! Живо! Свои!

И увидел, как из щели в стене кто-то качнулся ему навстречу.

Разбираться было некогда. Тришка с разгону чуть ли не в объятия угодил и был впихнут в темное и сырое пространство.

– Только сунься, Елпидифорка! Только сунься! Рад не будешь! – пригрозил громиле неожиданный спаситель.

– А вот я тя дрыном! – пообещал громила.

– Елпидифор Паисыч! Назад! Зашибет! – загомонили незримые соратники громилы, и все голоса перекрыл один, пронзительный, бабий:

– Елпидифорушка, не пуцу!!!

– Ну вас! – сказал спаситель. – Горазды вы всемером на комара ходить. Тьфу и еще раз тьфу.

С тем и забрался обратно в щель.

Тришка за свою недолгую жизнь видел довольно мало народу из своего роду-племени. Но все, с кем встречался, за внешностью следили. Даже кто порос густой и непрошибаемой волосней – тоже как-то умудрялся приглаживать. Домовихи – так те вечно прихорашивались, вроде балованных домашних кошечек. Обитатель щели же если когда и расчесывал шерстку – так разве что в раннем детстве, чтобы от мамки не влетело. Чего только не висело и не болталось на нем! Соломинки, сенная труха, даже истлевший березовый листочек Тришка приметил.

– Я – Корней Третьякович, – сурово представился нечесанный спаситель. – При теплице служу. Из полевых. Оформлен тепличным. Документы в порядке. Так что, гражданин инспектор, я в своем праве. А они бесчинствуют и меня гнобят.

Тришка открыл рот – да и закрыть позабыл.

– Не думал, что моя жалоба куда следует дойдет. Я с полевым Викентием Ерофеевичем посылал, он обещался с заправки с кем-нито из автомобильных отправить. Добро пожаловать, вот, глядите, как живу, чем питаюсь. Гнилые зернышки, гражданин инспектор! Хозяйских помидоров не трогаю – уговор был не трогать. Корочки заплесневелой два года не видел! Хорошо, с кошкой Фроськой сговорился, я летом за котятами смотрел, она мне с хозяйского стола то сосиски кусок, то колбаски кружок принесет. Хлеба-то ей не давали! Что дадут – тем со мной и поделится. Теперь котят раздали, и опять я на гнилом пайке.

Тришка молча удивился тому, что тепличный сговорился с кошкой. Городские домовые с котами еще кое-как могли столкнуться, а кошка – непонятлива, да и беспамятна, кстати говоря. Коли есть котята – так они одни на уме, на иное ума уже недостает. Нет котят – думает, как бы новых завести, других мыслей не держит, вот и все.

– Хозяйство показать? – спросил Корней Третьякович.

– Покажи, – дозволил Тришка.

– Да! Главное! Как тебя, гражданин инспектор, звать-величать?

– А Трифоном Орентьевичем.

– Будь так. И что, всех вас, инспекторов, так наряжают?

– Как наряжают? – удивился Тришка.

– Масть меняют, – уточнил тепличный.

Тут только Тришка вспомнил, что недавно пользовался хозяйским шампунем и сделал себе шерстку ненатурального красноватого цвета.

– Не всех, – туманно ответил он.

– Главных, что ли? – тепличный посмотрел на него с некоторым недоверием к его молодости, вздохнул и крикнул – время пришло безумное, к старости почтения, видать, вовсе не осталось, и домовый-молокосос уже может оказаться значительной шишкой.

– Не совсем.

– Ну-ну... Так вот, живу я убого. А они там, на усадьбе, барствуют! С хозяйского стола и сам Елпидифорка питается, и его баба, и весь штат – Провка, Ефимка, Игнашка, Никодимка, Маркушка, Тимошка!

– Куда столько? – удивился Тришка.

– Вот и я спрашиваю – куда? Провка, скажем, у них запечный. А Маркушка? Сарайным был, а в сарае жить не желает, ему дом подавай! Никодимку опять же, когда подрос, чтобы безместным не остался, в хозяйские автомобильные определили. Ну и что, занимается он техникой? Тоже все за печку норовит! Срамные картинки смотреть!

– Срамные картинки-то откуда? – строго спросил Тришка, предчувствуя и любопытную историю, и что тепличный сгорает от желания ее рассказать.

– А к хозяину из города за овощами приезжают, и автомобильный, Игнашка, их привозит. Продовольствием не берет, только деньгами, так Елпидифорка наладился у хозяина деньги воровать! Где рубль, а где и десять! А тот автомобильный и берет ворованное! Тьфу! Глаза б не глядели!

– Ишь, шустрый...

– А ты его знаешь? – догадался Корней Третьякович.

– Он меня сюда завез...

– Что завез – правильно сделал! И вообще Никишка далеко пойдет, потому что на верном пути! – тут же, без заминки, перешел от ругани к похвале тепличный. – Он деньги копит, чтобы жениться. Совсем еще недавно безместным был, теперь в автомобильные взяли, так он на этом не остановится! Он у подвального дочку сватать хочет! А как войдет через женитьбу в хорошую семью – так и выше поднимется! Он еще, увидишь, в хорошем доме домовым дедушкой станет!

– Дочку, у подвального? Так она же гуляет и выпивает!

– Кто тебе наплел? Девка смирная. Подвальный для нее хорошего жениха ищет, а она с Никишкой поладила. Я знаю, Никишка при мне с Тимошкой разговаривал, пока ящики грузили.

– Надо же... – пробормотал огорошенный Тришка.

Теперь его паническое бегство в багажнике явилось в совершенно ином свете...

* * *

Много чего любопытного нарасказал тепличный Тришке про своих недругов. Как нанимали тепличным – так сулили золотые горы. Как приступил к работе – так кукиш под нос! А уходить обратно в полевые некуда... И безместным быть в такие годы – стыд и срам...

– Живут не хуже городских! – возмутился Корней Третьякович. – В тепле, сыты, при всех удобствах! Мне дважды в год чарка вина полагается – где та чарка? Сами выпивают! А я за место тепличного двадцать рублей дал! Сколько лет копил!.. По копейке деньги у автозаправки подбирал!

Когда же он всерьез потребовал от Тришки решительных мер, вплоть до выселения Елпидифорки со двора, Тришка уже знал, как быть.

– Я ведь не по жалобе, – склонившись к мохнатому, с кисточкой, уху прошептал он. – Я по государственному делу.

– Ого?!?

Они сидели в теплице, в щели между деревянным столом для ящиков с зеленью и стеной, на щепках, под перевернутым ведром, сверху которого стояла картонная коробка с белым порошком. И тепличный взгромоздил щепки для гостя повыше, являя таким образом почти-тельность. Угощение же выставил нарочно жалкое – пусть гражданин инспектор попробует, потом не отплюется. Рядом с угощением лежала очередная жалоба – мелким почерком, на криво оторванном от края газеты квадрате.

– Мне нужен Молчок.

– Молчок? А кто таков?

– Чш-ш-ш...

История с женьбой Никишки настолько Тришку обидела, что в нем проснулась совершенно неожиданная для выросшего на книжных полках домового хитрость.

– Вражина? – без голоса спросил тепличный.

– Вражина, – подтвердил Тришка.

– Так что же, Трифон Орентьевич, ты сюда только за тем Молчком и забрался?

– Мы его по всем закоулкам ищем, – как бы нехотя признался Тришка. – Коли чего знаешь – говори.

– Он хотел было добавить, что старые сельские жители наверняка помнят, как Молчка подсаживать, и хорошо, что не успел.

– Беглый? Из острога?

Такого домысла Тришка не ожидал. Но кто его, Молчка, разберет! Может, и впрямь Молчки ныне только в острогах водятся?

– Он самый, – согласился Тришка.

– Стало быть, ловите, чтобы обратно возвратить?

– Он много дел понаделать может, – туманно намекнул Тришка.

– А если кто покажет того Молчка – тому что?

Вопрос был разумный – жаль только, что ответа на него Тришка не имел.

– Награда будет? – допытывался тепличный.

– Ну... Это в зависимости...

– А какая?

– Соответственная! – неожиданно для себя заорал Тришка. И испугался – тепличный с ним бы одной левой управился.

Однако красноватая масть, недоступная сельскому жителю, внушила Корнею Третьяковичу несокрушимое и при необходимости перерастающее в страх почтение.

– Ну все, все, все, больше не спрашиваю! Я же понимаю! – зачастил он. – Мне бы, конечно, больше продовольствием получить хотелось, но я и на повышение тоже согласен!

– А что? Ты знаешь, где найти Молчка?

– Знаю... – даже не прошептал, а прошелестел тепличный. – Он у нас в сарае живет...

– В сарае? – тут Тришка вспомнил, как в него незримый враг камнями швырялся.

– Ну да, потому сарайный и перебрался в дом! А домовиха его, Молчка, жалеет, еду ему таскает!

– Погоди, погоди! С чего ты взял, будто это – Молчок?

– Так молчит же!

– Молчит, а что еще?

– А ничего боле! Сидит там, как сыч в дупле и носу не кажет! Вот такие дела, гражданин следователь. Молчка они тут, оказывается, прикормили!

Неожиданно пожалованный в следователи Тришка не возражал. Он уже начал понимать, какого нрава здешний тепличный.

Тришкина задумчивость длилась столько, что Корней Третьякович пришел на помощь.

– Мы вот что, Трифон Орентьевич, мы его оттуда выведем и тут спрячем, а когда за тобой Никишка приедет, свяжем и в багажник сунем. Так ты его до города и довезешь.

– Здорово придумано, – одобрил Тришка. Ему страх как хотелось надавать Никишке по шее. И вдруг он вспомнил про ежа.

– Послушай, Корней Третьякович, я в багажнике не один был, там Никишка еще ежа вез. Ему велели вывезти за город и выпустить в лесу. А он до леса не довез – кто-то из здешних ежу посвистел, еж у нас и сбежал. Прямо из багажника.

Вранье получилось чудо какое складное.

– Свистел ему, поди, Тимошка, он умеет. Его тоже из полевых взяли, только давно. Он теплицы и не нюхал! Тимошка, должно, для лешего старался. Еж – это лешего скотинка. Коты,

псы – сам понимаешь, наша. Куры еще, вся хлевная живность, кони. А ежи, ужи, жабы, хори – они хоть к дому и прибиваются, а ведает ими леший.

– Так что он ежа к лешему отогнал?

– А кто его знает... Должен был бы, если по правилам. Ну так что? Идем Молчка брать?

Тришка насупился, всем видом являя решимость. Ему не очень-то хотелось шастать по чужому двору в сопровождении тепличного, которому врагами были все, кроме кошки Фроськи. Но и показывать слабость он не мог. Вон Никишка уловил, что повстречал лопухого – и что вышло?

– Идем! – сказал Тришка. – Веревка-то у тебя найдется?

* * *

Сарай был изнутри страшен – столько всяких железных лап, рогов и закорючек тут имелось.

– Ты не бойся, это культиватор, – сказал тепличный, проводя Тришку под многими железными зубьями. – Сейчас оттуда подкрадемся, откуда он нас и не ждет.

И точно – они зашли в тыл желтой иномарке. А там тепличный погромел кулаком о крашенный бок и отскочил.

Изнутри послышались дребезг и ворчание. Кто-то пробирался по машинным потрохам, лягнуло, скрипучий голос разразился неразборчивой, но явно гневной речью.

– Гляди ты! Заговорил! – удивился Корней Третьякович.

– Может, и не Молчок вовсе? – предположил Тришка.

– Проверить надобно, – сказал не желавший упускать награду тепличный. – Давай так – я его выманивать стану, ты схоронись. А как он на меня кинется – так и ты на него кидайся! Вдвоем повяжем!

Тришка оценил отвагу тепличного – не совсем бескорыстную, ну да ладно, какая есть.

– Давай, – согласился он и снял с плеча смотанную в кольцо веревку.

Тепличный же снова брызнул кулаком по машине

– Эх, хорош бы день, да некого бить! – заголосил он. – Вылезай, я те язык ниже пяток пришью! Я из тебя блох повыбью, ядрена копалка!

Тришка подивился странной деревенской ругани. Но еще более изумился, услышав ответ.

Отвечено было по-английски, обещано с той же степенью лаконичности, с какой совершить известное действие грозятся по-русски.

– погоди, Корней Третьякович, – удержал Тришка тепличного от дальнейшего охальства, а сам завопил во всю глотку:

– Хау ду ю ду-у-у!!!

И воцарилось в сарае полнейшее и безупречное молчание.

– Кам аут! – крикнул Тришка. – Не бойся – бить не будем! Ви а фрэндс!

Прежняя угроза прозвучала, но уже не свирепо, а скорее сварливо – засевший в иномарке незнакомец пообещал кое-что сотворить и с «фрэндс».

Тришка некоторое время конструировал в голове ответную фразу. Английских слов до боли не хватало. То есть, он их учил, но они все куда-то подевались.

– Ви кам ту хелп ю! Ту хелп! – заорал он.

Оказалось, что и с «хелп» незнакомец хочет поступить все тем же испытанным способом.

– Чего это ты ему? – спросил тепличный.

– Я ему – друзья мы, мол, не бойся. Он меня – по матери. Я ему – пришли, мол, помочь.

Он опять по матери.

– погоди! А на каком это ты с ним наречии?...

– На английском.

– Так твой Молчок – кто? Шпион?!?

Тришка вздохнул – теперь он уже вообще ничего не понимал.

– Трифон Орентьевич! – воззвал к нему тепличный. – Так ты – кто? Кому служишь?!

– Известно кому служу, – буркнул Тришка. – Инспекторы мы...

– Инспекторы! Кому же ты, лягушка тебя забодай, продался? – проникновенно заговорил Корней Третьякович. – Я думал – ты и впрямь инспектор по жалобам от населения! А ты? Потом думал – следователь по особо опасным! А ты? И что же выясняется? Ну нет! Долго я молчал, а теперь все выскажу!

– Опомнись, Корней Третьякович, – попросил Тришка. – И так башка от мыслей трещит, а тут ты еще со своими дуростями.

– Не отдам Молчка! – вдруг заявил тепличный. – Пошел прочь отсюда! Не отдам – и точка.

– Да тебе-то он на кой сдался? – удивился Тришка.

– Пошел! Кыш!

Подхватил с утоптанной земли железку, Корней Третьякович погнал Тришку по сараю. Но Тришка оказался провернее тепличного – шмыгнул так и сяк, запутал след, а потом возьми да и подкрадись обратно к желтой иномарке.

И услышал он там такую речь.

– Мистер! Сэр! Как вас там! Выйдите, покажитесь! Дело у меня к вам! Тут демократию гнобят и уже вконец загнобили! Могу жалобу в письменном виде передать! Там все подробно про Елпидифорку, Ефимку, Игнашку, Никодимку, Маркушку, Тимошку и еще домовиху Ани-сю Гордеевну будет изложено! По-английски я не умею, ну да у вас переведут! И пусть ваши демократы нашим демократам по шее-то надают!

Для пущей доходчивости Корней Третьякович еще стучал по дверцк иномарки жестким от черной работы кулаком.

– Опомнись, дядя! – воскликнул, выходя из укрытия, Тришка. – Кому там в Америке твоя жалоба нужна? У них своих забот хватает.

И на всякий случай обратился еще и к незримому ругателю:

– Донт лисн ту хим, хи из э фул!

В ответ из машинных недр раздался громкий хохот.

– Ну наконец-то! – обрадовался Тришка. – Эй! Сэр! Кам хиэ!

В ответ была длинная и очень быстрая фраза, в которой Тришка ни черта не разобрал. Но признаваться в этом тепличному не пожелал.

Вдруг дверца приоткрылась. Оттуда протянулась рука. Тришка, не будь дурак, за эту руку ухватился и был втянут внутрь, успев крепко лягнуть дурака Корнея Третьяковича, вздумавшего было его за ноги обратно вытаскивать.

Дверца захлопнулась.

Тришка утвердился на ногах и наконец-то увидел своего Молчка.

* * *

Когда живешь на книжных полках и постигаешь мир по разнообразным черненьким значкам на белой бумаге, этот мир получается, как правило, лишенным цвета, запаха, а также многих важных деталей. Следует также учесть, что в библиотеке, присматривать за которой определили Тришку, были книги в основном научные. И он какие-то вещи знал неплохо, на иные набрел случайно, а прочих и вовсе не ведал.

Так, он вычитал в словаре, что английских и, видимо, американских домовых называют брауни и сделал разумный вывод – мастью они все коричневатые. Но прочие подробности их жизни оставались покрыты мраком.

А между тем, прибыв в Америку, он тут же и обнаружил бы, что не только между городскими и сельскими брауни имеется противостояние, но и внутри каждого клана – свои давние склоки, и есть такие ответвления у старинных почтенных родов, что ни в сказке сказать, ни пером описать. И влип бы в местные разборки куда хуже, чем сейчас – тут он все-таки был пока среди своих, и даже врун Никишка воспринимался как свой, и даже кляузник Корней Третьякович.

Тот, кто стоял сейчас перед Тришкой, был откровенно чужой, хотя и держал улыбку от уха до уха. Его нездешнее происхождение чудилось Тришке решительно во всем. Во-первых – оно явственно проступало в зеленых штанах. Уважающий себя домовый яркого не носит – он должен быть неприметен, и даже домовихи наряжаются только в домашней обстановке, за ванной или на антресолях. Во-вторых, ступни оказались подозрительно похожими на утиные, под хилой шерсткой – перепончатыми. В-третьих, рожа. Рот на ней был знатный, зато носа – почти никакого.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.